

очарование

Кэтрин Кингсли

Величайшая
любовь

Паскаль

Кэтрин Кингсли
Величайшая любовь

«АСТ»

1992

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Ñîå)-44

Кингсли К.

Величайшая любовь / К. Кингсли — «АСТ»,
1992 — (Паскаль)

ISBN 978-5-17-094820-8

Для красавца-аристократа Николаса Дейвентри брак – единственная возможность воплотить в жизнь свою мечту: унаследовать усадьбу, в которой он родился и вырос, и снова наполнить отчий дом веселым детским смехом. А очаровательная, но бедная вдова Джорджия Уэллс кажется вполне подходящей кандидаткой на роль хозяйки этого дома и матери этих детей... Поначалу любовь в планы Николаса не входит. Однако чем дальше, тем больше Джорджия покоряет его сердце, и в итоге он без памяти влюбился в собственную жену. Но может ли Николас надеяться на взаимность? Ведь сердце его супруги, казалось, навеки принадлежит покойному первому мужу...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Ñîå)-44

ISBN 978-5-17-094820-8

© Кингсли К., 1992
© АСТ, 1992

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	39
Глава 5	48
Глава 6	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Кэтрин Кингсли

Величайшая любовь

Katherine Kingsley
NO GREATER LOVE

Печатается с разрешения издательства Diversion Books и литературных агентств Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Серия «Очарование» основана в 1996 году

© Julia Jay Kendall, 1992

© Перевод. В. М. Феоклистова, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

*Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за
друзей своих.*

Евангелие от Иоанна.

Глава 15, строфа 13.

Пролог

26 марта 1819 года

– Николас! Николас, ты где? Ответь же мне!

В голосе его матери, донесшемся до него сквозь страшный треск ломающегося дерева и оглушающее завывание ветра, звучала настоящая паника.

Он попытался позвать ее, но слова потонули в очередном ударе соленой воды; мальчик продолжал отчаянно цепляться за веревочное ограждение, когда очередная волна с ревом накрыла его. На сей раз волна оказалась сильнее его десятилетних рук – мощный водяной вал оторвал мальчика от опоры и яростно подбросил в воздух. Что-то острое ударило ему в бедро, и он, ощутив резкий укол боли, неожиданно погрузился в холодную воду разбушевавшегося моря. Вода проникала в его ноздри, заливала глаза и швыряла из стороны в сторону, как еще один обломок идущего ко дну корабля.

– Мама! Папа! – все же крикнул он, отчаянно пытаясь удержать голову над водой и озираясь в поисках чего-либо, за что можно было бы ухватиться.

Но вокруг не было ничего, кроме огромных волн, видневшихся в отдалении скал и кренившегося корабля, медленно исчезающего в волнах. А потом он и этого не видел – потом была только казавшаяся бесконечной борьба с обезумевшей стихией. Впрочем, нет, был еще и страх – отчаянный, смертельный страх! И временами ему хотелось сдаться – лишь бы уничтожить этот страх. Но что-то заставляло его бороться, что-то вселяло надежду на то, что он вновь увидит отца и мать и, возможно, даже свою собаку, если когда-либо доберется домой.

А затем что-то схватило его за ноги, обвивая их, и потянуло вниз... вниз – и почти сразу же вода накрыла его непроглядной чернотой и начала душить.

– Нет! Нет! Боже, прошу тебя, нет!

Николас резко приподнялся и сел в постели, обливаясь холодным потом. Его всего трясло, а его сердце колотилось как целый ансамбль литавр. Молоденькая девушка, лежавшая в постели рядом с ним, смотрела на него огромными черными глазами, и она выглядела столь же испуганной, как и он.

– Проклятье... – пробормотал Николас. Он никогда не позволял девушкам оставаться на ночь, опасаясь, что может произойти именно это. А сейчас... Должно быть, после ее последних, надо сказать, очень жарких ласк, он неожиданно для себя заснул.

– Уходи, – сказал он на хинди. – Оставь меня. Уходи сейчас же. Мой слуга заплатит тебе.

Девушка без возражений надела свое сари и убежала. А Николас, сделав глубокий вдох, отбросил в сторону тонкую льняную простыню, подошел к раскрытому окну и выглянул наружу. Не было почти никакой надежды даже на легкий ветерок, но после такого сна у него всегда возникало отчаянное желание наполнить легкие воздухом.

Ему уже двадцать девять лет, а его все еще терзали эти кошмары... Он надеялся, что с возрастом они оставят его, но кошмары продолжали преследовать Николаса с регулярностью часового механизма. Он даже старался спать как можно меньше. А в детстве тайком ускользал из дома и часами бродил по округе или скакал на лошади. Впрочем, он и сейчас этим занимался. Но теперь для того, чтобы отвлечься, у него был еще и секс, а также работа, которая порой удерживала его от сна до самого утра. Но он не мог вообще отказаться от сна – и тогда приходил этот кошмар. Конечно, такое случалось не каждую ночь, иногда даже не каждую неделю, но в конце концов кошмар приходил, и Николас тонул вновь и вновь – словно недостаточно было одного раза! Но, к счастью, он тогда все-таки спасся...

И уже гораздо позднее Николас понял, что его повлекло волнами вдоль берега и довольно далеко унесло от места кораблекрушения. Потом выяснилось, что он оказался единственным, кому удалось спастись с затонувшего корабля. Когда же он оправился от заражения крови, ставшего следствием серьезной раны на ноге, его отправили домой, в Англию. Впрочем, не совсем домой. Хотя Рэйвенсволк и находился совсем рядом. Но ничто не могло сравниться с Рэйвенс Клоузом – несмотря на все великолепие Рэйвенсволка. Ничто не могло сравниться с красотой сада, созданного его матерью, и ничто не могло сравниться с тихим очарованием этого дома. Дома, который должен был наполниться радостным смехом людей, поселившихся в этом доме, но в действительности, увы, почти двадцать лет простоял пустой.

После кораблекрушения целых десять лет Николас, сжигаемый нетерпением, ожидал того дня, когда, наконец, сможет предъявить свои права на Клоуз. Теперь же из-за Жаклин и ее гнусных измышлений у него не оставалось на это надежды. Впрочем, какой-то шанс, возможно, все-таки остался. Возможно...

Николас бросил взгляд на письменный стол, где рядом с горевшей свечой лежало письмо от дяди – первая весточка почти за десять лет. Он подошел к столу и вновь пробежал глазами лаконичные строки.

«Приезжай домой, Николас. Дела плохи, необходимо их исправить. Пожалуйста, Николас, приезжай домой».

Почерк был нетвердый и походил... на какую-то паутину – почерк совсем нехарактерный для педантичного и аккуратного графа. Отсутствие подробностей также было ему не свойственно. А сейчас – просто «приезжай домой», вот и все.

Николас вздохнул и протер глаза. Черт побери, что это должно означать?! Послание... похожее на повеление короля. Но с чего вдруг? Может, дядюшка дает понять, что готов все забыть и простить? Неужели после стольких лет этот человек так и не понял, что он, Николас, ни в чем не виноват? А может, он лежит на смертном одре? Может, ему не хочется умирать, не даровав племяннику прощения? Ведь Николас – единственный сын его брата. А дядюшка свято верил в семейные ценности...

– Проклятье... – в раздражении проворчал Николас. – С какой стати я должен возвращаться домой и получать прощение за то, чего не совершал?

Но на самом деле он действительно хотел получить прощение, очень хотел. Было невыносимо жить без семьи, – причем вовсе не потому, что таков был его выбор, а потому, что семья от него отказалась. Он очень жалел о том, что не видел, как рос маленький Сирил; и он скучал по своему грубоватому и неприветливому старому дядюшке, черт бы его побрал. А вот дядюшка-то и в самом деле был кое в чем виноват... Был виноват в том, что не поверил своему племяннику. Но неужели из-за этого стоило злиться на престарелого родственника?

Николас нахмурился и швырнул записку на стол. Приятно было бы вернуться домой, если бы у него была хоть какая-то надежда на то, что Жаклин выгнали... или что она умерла от оспы. Нет, было бы еще лучше – если бы он узнал, что после страшной болезни эта девица страшно обезображена. Да-да, именно так. Это было бы справедливо. Николас усмехнулся, представив Жаклин с уродливыми шрамами на лице, Жаклин, приговоренную всю оставшуюся жизнь носить густую черную вуаль и смилившуюся с тем, что больше ни один мужчина не захочет взглянуть на нее.

Но как это ни печально, последние декабрьские новости прошлого года гласили: она по-прежнему жива и прелестна, к тому же – принялась за свои старые штучки.

Николас снова нахмурился. Будь он проклят, если позволит Жаклин издеваться над ним! Ей и так уже слишком многое удалось. Все получалось так, как хотела она. Что ж, он найдет способ поставить ее на место!

Да, наверное, и в самом деле приятно будет вернуться домой... Конечно, потребуется время, чтобы добраться туда, поскольку по суше из Индии в Европу... Черт возьми! Возможно, ему действительно придется пересечь два океана, но дело того стоило.

Рэйвенс Клоуз... На сердце стало легче при одной мысли об этом. Решив приступить к наведению порядка в своих делах, Николас уселся за письменный стол и начал просматривать бумаги.

Глава 1

Сжав ридикюль, лежавший у нее на коленях, Джорджия в изумлении смотрела на мелькавший за окном пейзаж. У нее было чувство, что ее, как чистокровную лошадь, только что бесцеремонно – и даже не извинившись – продали на лондонском аукционе «Таттерсоллз».

Но она была совсем не в том положении, чтобы спорить, и вполне искренне полагала, что ей следовало бы испытывать восторг от того, что ее берет в услужение сама леди Рэйвен, которую свет провозгласил самой модной дамой сезона. Помимо этого, леди Рэйвен имела репутацию дамы весьма требовательной – по крайней мере, в отношении всего, что касалось ее нарядов. К тому же, Джорджия не раз слышала, как модистки и портнихи горько жаловались на скверный характер и прижимистость великосветской львицы. Всего этого было более чем достаточно, чтобы привести Джорджию в крайнее замешательство.

Конечно, она была не против перемен – она много всего перевидала за свои двадцать два года. Вот только одного Джорджия не могла понять: почему леди Хертон столь неожиданно решила отпустить ее? Ей казалось, что они неплохо ладили...

Джорджия нахмурилась, прикусив губу. Было бы ужасно, если бы леди Хертон узнала о ночных вылазках своего мужа, – хотя это вполне могло бы объяснить неожиданную холодность ее прощальных слов. «Миссис Уэллс, красивые платья значат для меня не так много, как моральные принципы...» Вот так-то!

С другой стороны, с головой у леди Хертон было не все в порядке, так что она вполне могла иметь в виду, что деньги, которые тратит на наряды, лучше бы потратить на церковь.

Джорджия тяжело вздохнула. Ох, если бы только люди интересовались ее мнением, прежде чем принимать решения... Увы, сама она за всю свою короткую жизнь не имела ни единой возможности принять самостоятельное решение – словно не имела к собственной жизни никакого отношения...

Она не могла винить своего отца за то, что тот умер – ведь он едва ли мог хоть как-то на что-либо повлиять; наверное, был вполне оправдан и ее переезд в семью викария после смерти матери. Но выдать ее замуж за Багги, даже не поинтересовавшись ее, Джорджии, мнением – это было уже слишком. Кроме того, Багги мог хотя бы посоветоваться с ней еще до того, как своими безответственными махинациями вверг их ферму в долги. И, конечно же, он мог бы с ней посоветоваться до того, как решил заснуть на большой дороге – идеальном месте для самоубийцы, решившего свести счеты с жизнью под колесами почтовой кареты. В результате он оставил свою супругу ни с чем, то есть попросту нищей.

Описав большой полукруг, экипаж миновал внушительные ворота и покатил по длинной подъездной аллее. У Джорджии гулко забило сердце от волнующего предвкушения, и она тут же напомнила себе о том, что Маман научила ее извлекать лучшее из самой плохой ситуации и благодарить судьбу при каждой удаче. Впрочем, в данной ситуации она могла благодарить судьбу только за то, что ей удалось выбраться из города, почти задушившего ее. Отныне ей также не придется терпеть старого лорда Хертона, который, приняв изрядную дозу горячительного, нетвердой походкой ковылял в мансарду, чтобы, как он выражался, «добыть капельку утешения». Было довольно неприятно каждую субботнюю ночь сталкиваться с лестницы пожилого нетрезвого джентльмена, измученного ревматизмом. Но что ей оставалось делать? Ведь у этого джентльмена был ключ от двери ее комнаты...

Тут ее взору открылся Рэйвенсволк, и Джорджия ахнула в изумлении. Особняк этот производил впечатление... Ах, он был великолепен! Никогда еще она не видела такого красивого здания. Да, конечно, ей очень нравилась ферма Багги, да и собственный дом – тоже, но это... О, это было нечто особенное... Огромный особняк больше походил на дворец, выстро-

енный в стиле барокко и немного напоминавший Версаль, который она видела на некоторых картинах французских живописцев.

И особняк сверкал как само солнце. А газоны и сады, обрамлявшие этот великолепный дом, походили на оправу для драгоценного камня.

Джорджия с трудом сглотнула. Ее матушка рассказывала о подобных домах в своих замечательных историях про жизнь высшего света, и Джорджии казалось, что она вполне могла представить эти дворцы и особняки, но в сравнении с реальностью, в сравнении с Рэйвенсволком все ее фантазии оказались бледными и безжизненными. Рэйвенсволк был прекраснейшим произведением зодческого искусства, и ей подумалось, что здесь вполне можно стать счастливой просто потому, что живешь в окружении такой красоты.

Три дня спустя она уже так не думала.

– Итак, – произнесла леди Рэйвен, оглядывая Джорджию с головы до ног, словно перед ней стояла горничная или посудомойка, – вы и есть миссис Уэллс? – Дама бросила перчатки на стол и медленно обошла вокруг Джорджии. – Это вы сшили платье, которое на вас сейчас?

– Да, миледи, – ответила Джорджия, подумав о том, что лицо этой женщины – наверное, самое холодное из всех лиц, которые она когда-либо видела.

Леди Рэйвен, безусловно, была... почти красива, но все-таки в ее облике чего-то не хватало. Скулы были высокими, а нос тонкий, но чуточку длинноватый. И она оказалась моложе, чем ожидала Джорджия, – не старше тридцати с небольшим. Волосы у нее были светло-каштанового оттенка, глаза – чуть темнее и глубоко посажены, но это ее не портило. Эта женщина показалась ей смутно знакомой, но Джорджия не могла припомнить, где могла ее видеть. Возможно – в салоне мадам Ла Салль. И модистки оказались правы: на фигуру леди Рэйвен никак не могла бы пожаловаться – высокая и стройная, с царственной осанкой, она производила необычайное впечатление.

Вроде бы все в этой даме было правильным, но Джорджия не могла избавиться от ощущения, что она видела перед собой маску. В лице этой женщины не было ни малейшего намека на теплоту; более того, взгляд ее казался жестким... и оценивающим.

– Это неподходящий наряд для вашей должности. Я видела вашу работу, миссис Уэллс. Она должна быть лучше, намного лучше, если вы хотите мне угодить. И имейте в виду: я пригласила вас, делая одолжение леди Хертон.

– Я постараюсь, миледи.

– Вот и хорошо. Но вы еще очень молоды... Я ожидала увидеть женщину постарше. Вам, должно быть, не более двадцати. Где вы научились своему ремеслу?

– Почти всему, что я умею, я научилась у своей матушки, миледи. Я также провела один год в Лондоне, где работала у мадам Ла Салль. Это было еще до того, как леди Хертон предложила мне работу. Вообще-то мне уже двадцать два, так что у меня было время приобрести опыт в искусстве шитья... – Джорджия умолкла, так как ей показалось, что леди Рэйвен задумалась о другом. – Что-нибудь еще, миледи?

– Да. Я рассчитываю, что вы будете держаться сама по себе, то есть несколько отстраненно. Вы не должны заводить приятельские отношения ни с прислугой, ни тем более с гостями. Надеюсь, вы верно определите свое место.

– Конечно, миледи, – кивнула Джорджия, думая о том, что ей, возможно, придется заточить себя в темницу.

– Вы можете гулять по территории поместья, – продолжала леди Рэйвен. – Но, естественно, только тогда, когда в доме нет гостей и когда вы закончили работу. Прогулки важны для здоровья, но я категорически возражаю против вашего присутствия в центральной части дома без моего вызова. Дворецкий будет давать вам указания, которым вы должны следовать неукоснительно. Уверена, что мы прекрасно поладим, если вы усвоите эти простые правила.

– Да, миледи. – Джорджия снова кивнула.

– Кроме того, вам необходимо что-то сделать с вашими волосами. Не переносу этих легкомысленных завитков. Вы обязаны выглядеть пристойно. Скромный капор или чепец будут вполне уместны. Одеваться же вам следует в черное или серое. Но, конечно, я ни в коем случае не требую от вас монашеского одеяния. Как давно вы овдовели?

– Два года назад, миледи.

– Очень хорошо. У вас наверняка осталась соответствующая траурная одежда. Она вполне подойдет, и это позволит избежать лишних трат. Я хочу видеть вас каждое утро в одиннадцать, если только не дам накануне других указаний. Я довольно часто бываю на самых различных приемах, и поэтому мой гардероб нуждается в постоянном контроле, а бывает – и в починке. Уверена, что скоро мы привыкнем друг к другу. Благодарю вас, миссис Уэллс. До завтрашнего утра. Не сомневаюсь, что скоро вы освоитесь в Рэйвенсволке. – Хозяйка одарила Джорджию прохладной улыбкой и удалилась; причем осанка у нее была безупречная.

Джорджия тяжело вздохнула, почувствовав, как исчезает магия, порожденная чудесным видом Рэйвенсволка. Увы, развеялась дымка мечтаний, которой Джорджия окутывала себя все последние дни, и исчезли фантазии, которыми она тешила себя. Исчезло все, кроме тягостного осознания того, что сейчас она, возможно, оказалась в необычайно сложной жизненной ситуации.

Леди Рэйвен стремительно вошла в гардеробную, и Джорджия невольно заморгала – у нее все еще болели глаза после долгой ночной работы.

– Доброе утро, миссис Уэллс. Полагаю, вы закончили мое вечернее платье.

– Да, миледи. Может, вы примерите его, чтобы я могла при необходимости что-то исправить? Если не возражаете, то платье на вешалке, за ширмой.

“Мадам в отвратительном настроении”, – с беспокойством подумала Джорджия. Это она могла определить с первого взгляда, поскольку признаки такого настроения изучила уже давно. По правде говоря, она пребывала в отвратительном настроении уже целую неделю, и это, очевидно, было следствием того, что последний любовный роман этой дамы развивался не так, как ей хотелось бы. Джорджии совсем не улыбалось испытать на себе последствия подобного настроения, но похоже, избежать этого не удастся.

Леди Рэйвен исчезла за ширмой и тотчас появилась вновь.

– Что это такое? – проворчала она, держа на вытянутой руке только что сшитое платье и нервно комкая тончайший материал. – Это не то, что я просила, миссис Уэллс. Еще вчера утром я ясно дала вам понять, что именно хочу получить, не правда ли?

– Да, миледи. Но в такой короткий срок было затруднительно найти подходящий материал, поэтому я решила, что вам понравится несколько увеличенный объем бедер.

– Не оправдывайся передо мной, моя девочка! Я этого не потерплю. Платье никуда не годится. Ты заберешь эту нелепицу и к шести вечера все исправишь.

– Но леди Рэйвен...

– Ни слова больше! Ни слова, если не хотите, чтобы вам указали на дверь. Но предупреждаю: рекомендации я вам не дам. Небрежная работа, как и дерзость, у моих знакомых не допускается ни в коем случае, миссис Уэллс. И, безусловно, ни то, ни другое не допускается и здесь. – Леди Рэйвен небрежно бросила платье на спинку стула. – Белла, где ты?! – позвала она, отпуская Джорджию высокомерным взмахом руки. – Белла, почему не готова моя ванна?!

Горничная леди Рэйвен, которой Джорджия искренне сочувствовала, моментально появилась в дверях.

– Простите, миледи. Вода еще греется. Там, внизу, небольшие проблемы. Дело в том, что прошедшей ночью у Лили умерла мать, поэтому она немного припоздала.

– Уволить ее! – тоном, не допускающим возражений, произнесла леди Рэйвен. – Я не допущу подобной распушенности.

Белла раскрыла рот и тут же закрыла его, не сказав ни слова. Она понимала, что бесполезно спорить – лишь сама работу потеряешь. “Они, бедные, ничего не могут поделать”, – подумала Джорджия, и ей захотелось дать пощечину леди Рэйвен, – захотелось как следует ударить по ее холодному лицу, не выражавшему никаких эмоций. Увы, всем им теперь приходилось расплачиваться, потому что лорд Перриуолд не поддавался чарам ее светлости и не согрел ее постель.

Бедная Лили... Она ведь была единственной кормилицей в семье с тех пор, как отец девушки умер от оспы.

– Что вы до сих пор здесь делаете, миссис Уэллс? – Леди Рэйвен гневно взглянула на Джорджию. – Разве у вас нет работы?

– Есть, миледи. – Джорджия стояла очень прямо, изо всех сил стараясь не дать своему раздражению выплеснуться наружу. – Но мне хотелось бы узнать ваши предпочтения, миледи. Но у меня нет больше белого атласа, и до вечера никоим образом невозможно его раздобыть. Поэтому я подумала, что вы могли бы рассмотреть вариант с двойным рядом шелковых цветочков по краю подола. Я уверена, что если начну сейчас же, то сумею закончить платье к шести вечера.

Леди Рэйвен ненадолго задумалась.

– Ладно, хорошо. А теперь, оставьте меня. Чего же вы ждете?.. Я сказала, оставьте меня! Белла, если моя ванна не будет готова через пять минут, ты также покинешь Рэйвенсволк. Предлагаю тебе подумать об этом.

Джорджия подхватила смятое платье и тихонько вышла. Она была уверена, что если когда-либо у нее возникнет желание кого-то убить, то жертвой станет именно леди Рэйвен. А десять минут спустя, когда она увидела, как Лили уходит, прижимая к груди небольшой узелок с пожитками и сотрясаясь от рыданий, ей тоже захотелось заплакать.

Джорджия со вздохом покачала головой; было очевидно, что леди Рэйвен являлась одной из самых жестоких женщин на свете. Даже у собственных слуг она вызывала лишь чувство страха и ненависти. Ведь здесь человека могли уволить только лишь за то, что он вел дружеский разговор с другим слугой.

Джорджия решила, что непременно отправит Лили часть своего жалованья за этот месяц. Она снова вздохнула и потеряла глаза, но вовсе не потому, что они были полны слез – от этого она была далека, – а потому что почти не спала уже двое суток.

Иногда ей казалось, что леди Рэйвен проводила большую часть дня, выискивая способы помучить работавших на нее людей. В сравнении с жизнью в Рэйвенсволке ее прошлая жизнь с Багги Уэллсом казалась почти идиллической.

... День проходил за днем, и все они походили один на другой – тоскливые и бесконечные, не оставлявшие ни малейшей надежды на счастливый конец. Если бы Джорджия могла создать свой собственный вариант ада, то он был бы именно таким. Каждый грешник отправлялся бы прямым ходом в Рэйвенсволк, чтобы навечно остаться там во власти леди Рэйвен. Здесь не будет надежды на помилование, не будет прощения – только бесконечная череда дней и ночей, наполненных издевательствами жестокой хозяйки. Спать? Кому из слуг в этом доме удавалось выспаться? Еда? Только в определенные часы. Но от свежего воздуха она не могла отказаться. Для этого Джорджия всегда находила время – несмотря ни на что. Увы, даже во время прогулок ей почти никогда не удавалось уединиться, поскольку рядом с ней, как правило, оказывался Сирил. Он не приставал с разговорами и не надоедал расспросами, но его присутствие все же отвлекало Джорджию. Она старалась вызвать в себе сочувствие

к этому юноше – ведь он, как и все прочие обитатели этого дома, также страдал под гнетом леди Рэйвен. Да-да, он также страдал, хотя и был сыном лорда Рэйвена и являлся его наследником.

Когда Джорджия первый раз встретила его в лесу, юноша сидел на траве, скрестив ноги, и сосредоточенно рвал на мелкие кусочки какой-то, как ей показалось, окровавленный обрывок ткани.

– Здравствуй, – негромко сказала она, но все-таки Сирил вздрогнул от неожиданности и быстро сунул в карман оставшийся лоскут.

– Кто... кто ты? – спросил он.

– Я Джорджия Уэллс, новая швея леди Рэйвен. А кто ты?

– Виконт Б-брабем, пасынок леди Р-Рэйвен, – ответил он, криво усмехнувшись.

– О, извините... Я не знала... – пробормотала Джорджия, немного смутившись. –

Никто мне не сказал про вас...

– Не важно. Полагаю, мне следует уйти.

– О, вовсе нет. Это ведь я вам помешала, а не вы мне.

Юноша покраснел и опустил глаза.

– Когда вы п-приехали?

– Неделью назад. Ваша мачеха вызвала меня из Лондона.

– Она ничего об этом не г-говорила, но, думаю, леди посчитала это необязательным.

Джорджия сразу же почувствовала расположение к этому пареньку лет пятнадцати. И, конечно же, она ему сочувствовала. Заикаться в этом возрасте, наверное, было очень унижительно. Выше ее ростом, Сирил еще не обрел стати взрослого мужчины, но уже был красивым молодым человеком с темными, почти черными, волосами, такими же темными дугообразными бровями и яркими светло-серыми глазами, разительно контрастировавшими с общей темной тональностью. Однако в его глазах, украдкой наблюдавших за нею, было что-то робкое – как у испуганного зверька.

Он вдруг вскочил на ноги и пробормотал:

– Я... я должен с-сейчас идти. Мне не следует водить компанию со слугами. Прошу меня извинить, мне необходимо в-вернуться в дом. Мой гувернер, н-несомненно, уже нервничает.

Юноша ушел, не сказав больше ни слова. Джорджия смотрела ему вслед, в недоумении приподняв брови.

После этого случая она частенько встречала его неподалеку от Рэйвенс Клоуза, на своем любимом месте, которого нисколько не коснулась удушливая атмосфера Рэйвенс-волка. В этом тихом уголке стоял давно заброшенный дом, который оставили чахнуть и умирать – словно незаконнорожденного младенца. Может, именно это и влекло туда Сирила – ведь он и сам был брошенным ребенком, к тому же заикающимся, что, несомненно, очень мешало ему в общении с людьми.

Испытывая к нему сочувствие, Джорджия все-таки не могла сказать, что Сирил очень ей нравился – то есть по-настоящему. Слишком уж сложным он был мальчиком, склонным к внезапным переменам настроения. Кроме того, в нем порой просыпалась чрезвычайная властность, что, впрочем, было неудивительно – ведь мальчишка с рождения обладал титулом виконта. Джорджию скорее удивляло то, что он изволил общаться с ней. Более того, казалось даже, что он искал ее общества, хотя, пожалуй, и находил удовольствие в том, чтобы порой напомнить ей, что она, по сути, тоже прислуга. Но ведь она ею и являлась, не так ли?..

У Джорджии сводило пальцы от усталости, но она вновь склонилась над работой и аккуратно проткнула иголкой бархатную ткань, сосредоточившись на том, чтобы закончить подогнанный корсаж. С какой же радостью она воткнула бы эту иглу в глаз леди Рэйвен!

– Сирил, я не потерплю допроса! – резко перебила мальчика Жаклин и в раздражении стукнула его веером по плечу. – У меня нет времени на эту чушь. А сейчас иди! Найди, чем заняться!

– Н-нет, – упрямо заявил Сирил. – Я знаю, что ты з-замышляешь сегодня вечером. Не д-думай, что тебе удалось обвести м-меня вокруг пальца. Это ведь Д-дилан, не так ли? Я видел, как ты однажды за ужином смотрела на него. И он... он ведь не п-первый, не так ли?

– Сирил! Ты несешь чушь! И, пожалуйста, прекрати это нелепое заикание. В обществе тебя примут за идиота. А теперь иди, мне пора. Еще немного, и я опоздаю. Почему бы тебе не взяться за книжки, вместо того чтобы сочинять нелепые сказки? Мистер Ферн не слишком доволен твоими знаниями, и это мне совсем не нравится. Это уже четвертый учитель за два года! И Сирил, имей в виду – последний! – Она направилась к двери.

– Не уходи от ответа. Ты берешь Д-дилана в любовники, – заявил юноша.

Жаклин остановилась и, развернувшись, бросила на него холодный взгляд.

– Собираюсь я взять Дилана в любовники или нет – это тебя не касается. Я не позволю тебе разговаривать со мной в подобном тоне. Мне бы не хотелось тебя наказывать, Сирил, но придется, если ты будешь продолжать в том же духе.

Юноша поник и опустил глаза. А Жаклин добавила:

– Я буду тебе благодарна, Сирил, если ты больше не станешь поднимать этот вопрос. Пойми, мой мальчик, это выглядит довольно глупо. К сожалению, в последнее время я была очень занята – было ужасно много приемов... Поэтому я не могла уделять тебе достаточно времени. Да, понимаю, что у тебя могло возникнуть чувство, что о тебе забыли. Но я все исправлю, обещаю. Поверь, я не хочу, чтобы ты чувствовал себя одиноким. Может быть, нам с тобой стоит совершить приятную прогулку, провести денек вместе... А теперь будь хорошим мальчиком и позволь мне уйти. Как-нибудь на этой неделе мы найдем время для нашей прогулки. – Жаклин стремительно вышла из комнаты, на ходу приказав слугам подать экипаж.

Сирил же, подойдя к балюстраде второго этажа, долго смотрел ей вслед. Потом вернулся в комнату мачехи и, со вздохом рухнув в кресло у туалетного столика, провел пальцем по рассыпанной пудре. В комнате стоял резкий запах духов, так что у него даже голова немного заболела. Облизав внезапно пересохшие губы, Сирил замер на мгновение. Затем взял маленькие маникюрные ножницы – и резким движением воткнул острия лезвий себе в ладонь. Сразу же потекла кровь, и мальчик какое-то время наблюдал за тонким красным ручейком. Потом мазнул окровавленной рукой по стеклянной столешнице, оставив широкую красную полосу. Достав из кармана носовой платок, он обмотал им руку и посмотрел в зеркало. В его серых глазах не было ни намек на нервный срыв или раздражение.

Дрожащими пальцами Сирил пригладил темные завитки волос, затем порывисто встав, вышел из комнаты и плотно прикрыл за собой дверь.

Услышав стук в дверь, Джорджия отложила шитье и пошла открывать. Она надеялась, что это горничная, наконец, принесла ей новые свечи.

– Сирил! – воскликнула она с удивлением и настороженностью, увидев у порога долговязую фигуру юноши. – Сирил, что ты здесь делаешь? Ты же знаешь, что тебе не подобает заходить в мою спальню. Да еще в такой час!

– Я это з-знаю. Не беспокойся. Меня н-никто не видел.

– Слава богу... Меня бы тотчас уволили, если бы кто-нибудь тебя увидел.

– Моя ма... мачеха уехала, а большинство слуг уже в постели. Ничего страшного не случится.

– Сирил, в чем дело? Ты, похоже, чем-то очень расстроен.

Парень вошел в комнату и с невозмутимым видом осмотрелся – словно наносить модистке полуночные визиты было для него самым обычным делом.

– Я н-нисколько не расстроен. Я в п-полном порядке. Просто не мог заснуть. А ты не покидала свою комнату последние две н-недели... Вот я и подумал, что компания тебе не помешает. Я же знаю, как тебе здесь одиноко.

– О, огромное спасибо за внимание. Но Сирил, ты же знаешь, что я занята гардеробом твоей мачехи.

Джорджия не знала, как выставить юного виконта за дверь, не обидев парнишку. Сирил и без того был чрезвычайно чувствительным, а сейчас... Сейчас он был явно не в себе. Без сомнения, парня что-то тревожило.

Тихо вздохнув, Джорджия сказала:

– Хорошо, проходи, но только ненадолго, мне действительно необходимо закончить работу.

Сирил развернул к себе полукресло и почти упал на него.

– Господи, что ты с собой сделал?.. – пробормотала Джорджия, заметив окровавленную повязку на руке мальчика.

– Ничего. Всего лишь... осколок стекла. Р-раскажи мне о своей жизни до Р-Рэйвенс-волка.

Джорджия в недоумении вскинула брови, силясь понять, отчего это вдруг у виконта возник такой интерес к ее прошлой жизни.

– Что ж, слушай... – начала она, откашлявшись. – Я выросла в маленькой деревне графства Камберленд. Мой отец умер, когда я была совсем маленькой, и мы с матерью жили одни до самой ее смерти.

– У нее был л-любовник? – дерзко спросил Сирил.

– Любовник?.. – Джорджия покраснела от смущения. – Какой странный вопрос, Сирил. Не думаю, что тебе подходит...

– Я только спросил. Б-большинство женщин заводит л-любовников – независимо от того, живы их мужья или умерли. – Юноша сильно сжал пораненную руку, и на повязке появилось свежее красное пятно. Опустив глаза, он смотрел на повязку как зачарованный.

– Боюсь, Сирил, что у меня, простой деревенской девчонки, нет опыта в подобных делах, – сухо проговорила Джорджия и, нахмурившись, посмотрела на его руку.

Он поерзал в своем кресле.

– Ну, я подумал, что, м-может, ты что-то знаешь... Ведь ты была з-замужем. Что ж, значит, это относится только к аристократам. Ведь среди них никто не женится и не выходит з-замуж по любви – они все делают только по расчету. А изменять сейчас м-модно, ты разве не з-знала?

– Интересно, с кем ты разговаривал о таких вещах? – Чтобы скрыть свое смущение, Джорджия склонилась над шитьем. – Думаю, вряд ли мистер Ферн беседовал с тобой на подобные темы.

Сирил поджал губы.

– Мистер Ферн? Конечно, нет. Кроме т-тебя, Джорджия, мне не с кем п-поговорить об этом.

– А я, Сирил, не стану вести с тобой подобные разговоры, – заявила Джорджия.

– Очень жаль. А я надеялся, что ты будешь откровенной. – Мальчик пожал плечами. – Я не н-незрелый юнец, как ты могла бы подумать, Джорджия. Мне отчего-то показалось, что мы могли бы стать близкими друзьями. В этом не было бы ничего предосудительного.

Джорджия поняла, к чему он вел, и почувствовала, что от щек до самой груди покрылась багровым румянцем.

– Сирил, даже не могу поверить, что ты всерьез можешь говорить об этом! Если ты действительно хочешь, чтобы мы остались друзьями, то прошу тебя соблюдать хотя бы самые

элементарные приличия. Ты понимаешь? Но то, о чем ты сейчас говорил... Это абсолютно неприемлемо, и поэтому прошу тебя сейчас же уйти.

Юноша смертельно побледнел.

– К-как тебе угодно. Но имей в виду, я б-больше не приду. Помни свое место. Ты всего лишь с-служанка. А я и без тебя найду, где п-поразвлекаться. – Парень стремительно вышел, не дав ей возможности ответить.

Когда дверь за ним закрылась, Джорджия со вздохом откинулась на спинку кресла и глубоко задумалась. Она понимала, что Сирил еще очень молод и, возможно, просто пытался проверить на ней свои силы. Но мальчишка шокировал ее, а она его расстроила – это было совершенно ясно, поскольку за своей грубостью он старался скрыть унижение.

Следующий час Джорджия провела, пришивая проклятый лиф и ругая себя за то, что не сумела справиться с этим раньше. Однако она прекрасно понимала, что впереди ее ожидали еще более серьезные проблемы, а когда они придут... Ох, тогда ее жизнь не будет стоять и фартинга, поскольку леди Рэйвен позаботится о том, чтобы она никогда больше не нашла работу. Господи, как же найти выход?! Но выхода, похоже, не было...

Снова, вздохнув, Джорджия с трудом добралась до кровати и укрылась одеялом. В следующее мгновение глаза ее сами собой закрылись.

Глава 2

Едва Николас проснулся, как перед ним возник Бинкли, но почему-то – с двумя лицами, довольно расплывчатыми к тому же.

– В чем дело? – пробормотал Николас, пытаясь понять, отчего у него такое ощущение, словно он пил из сточной канавы. – О боже, где я? И кто я такой?..

– Вы Николас Дейвентри, и вас благополучно доставили в гостиницу «Белый олень», что в Дувре. Сегодня двадцать первое ноября, 1819 год. Мы прибыли в этот порт из Индии, где у вас серьезные деловые интересы, в частности – беспошлинная торговля с колониями. Могу добавить, что сейчас вы направляетесь в свое родовое поместье в Суссексе...

– Идиот, все это я знаю и без тебя. Как долго я нахожусь в этой треклятой гостинице?

– Всего лишь четыре часа, сэр. Я позволил себе вольность и нанял двух матросов, чтобы доставить вас с корабля в номер. Я знаю, что вы собирались продолжить путь уже завтра, – но, может быть, стоит отложить путешествие хотя бы на день? Вряд ли завтра вы будете чувствовать себя достаточно хорошо, чтобы опять отправиться в дорогу.

– Сколько всего?.. – прохрипел Николас. Он попытался сесть, но сразу понял, что ничего не получится.

– Бутылка бренди. А потом – еще полбутылки, сэр.

– Мы останемся еще на день. Надеюсь, я не опозорился?

– Нет-нет, сэр. Если не считать того, что во время высадки вы оскорбили почтенную матрону, располагавшую, как вы решили, ветвистыми рогами. Кроме того, вы разбили нос одному из ваших носильщиков. Да, еще вот что... Я заплатил стюарду за уборку вашей каюты. Мне кажется, сэр, ваш желудок не очень хорошо воспринимает сочетание крепких напитков и морской болтанки.

– Хм... Какой позор, что Англия умудрилась расположиться на островах, окруженных широчайшими морскими просторами.

– Да, сэр. Что же касается воды, то по левую руку от вас стоит большой графин с отличной питьевой водой. Предлагаю вам хорошенько к нему приложиться.

– Спасибо, Бинкли. Я это сделаю, как только ко мне вернется способность принимать вертикальное положение. Иди, Бинкли. – Он все же чуть приподнялся. – Спокойной ночи. Надеюсь, что в течение суток я тебя не увижу.

Бинкли поклонился.

– Конечно, сэр. Но с вашего позволения я все-таки позабочусь о том, чтобы вам регулярно доставляли хотя бы легкие закуски, которые, я надеюсь, будут способствовать усвоению вами крепких напитков.

Николас не привык много пить, но иногда, совершая подобную глупость, он потом всегда страдал от этих возлияний. Его передернуло от одной только мысли о еде, но, к счастью, со стоном откинувшись на подушку, он тут же заснул (думать о грядущем дне и следующей ночи было бы просто невыносимо).

На следующий день Николас немного пришел в себя и сумел подняться, принять ванну и одеться. Затем, – правда, и не очень уверенно – забрался в наемный экипаж.

– Двигаем, Бинкли, – приказал он и снова заснул.

Ближе к вечеру, когда они наконец подъехали к воротам Рэйвенсволка, Николас уже чувствовал себя вполне сносно, хотя все еще не мог сосредоточиться и привести в порядок свои мысли. И ему ужасно не хотелось, чтобы из-за его приезда поднялась ненужная суеда с парадным выходом слуг и прочими церемониями. Ему необходимо было заняться другим делом – отчаянно хотелось снова стать частью Рэйвенс Клоуза, символизировавшего все то доброе и хорошее, что он помнил из своего детства.

– Останься здесь, Бинкли, – произнес он, выбираясь из экипажа. – Ты можешь пойти в Кок-энд-Булл, если я не вернусь до полуночи. А если в течение суток я вообще не появлюсь, то постарайся разыскать меня. Возможно, я неверно истолковал письмо моего брата. Возможно, он собирается пристрелить меня.

– Очень хорошо, сэр, – ответил Бинкли.

А Николас размашистым шагом миновал ворота, затем, на середине подъездной аллеи, повернул направо и пошел знакомой тропинкой в сторону Рейвес Клоуза.

Это походило на прогулку в детство. Тогда он часто вместе со своей собакой, следовавшей за ним по пятам, ходил этой дорогой из Рэйвенсволка, чтобы взглянуть на свой старый дом, а потом шел обратно. Возможно, когда-нибудь в будущем его дети, навещая Сирила, будут ходить этой же тропинкой, чтобы снова соединить оба семейства...

Николасу не хотелось признаваться в этом, но он был сентиментален. И он страстно желал иметь собственный дом и обзавестись семьей, которая бы заполнила этот дом. Оказалось, что приглашение вернуться значило для него гораздо больше, чем он готов был признать поначалу. Но по мере того как тянулись долгие дни путешествия, он все больше осознавал, что ужасно скучал по дому. И вот сейчас, оказавшись в этих местах, он едва сдерживался – хотелось броситься к Клоузу бегом.

Прошло еще несколько минут, и Николас остановился и замер как вкопанный. Его сердце подпрыгнуло – но вовсе не от радости. Увы, Рэйвенс Клоуз лежал в руинах. Все вокруг заросло сорняками, а окна были покрыты многолетней пылью, и невозможно было разглядеть, что там внутри, – с углов оконных проемов свисала паутина.

Но одно из фасадных окон было разбито, и Николас с тяжелым чувством пробрался сквозь заросли сорняков и заглянул внутрь.

Все там выглядело так, как он и предполагал. Внутри царила такая же разруха. Не было видно мебели, и крыша, похоже, прохудилась уже давно, так как стены явно отсырели. Входная дверь была заперта, но это не имело значения – в данный момент у него все равно не хватило бы духу войти. И было такое чувство... словно вдребезги разбили его мечту, которую он хранил в глубине своего сердца в течение долгих двадцати лет.

Николас со вздохом опустился на землю, продолжая неотрывно глядеть на руины своего прекрасного дома, на руины своей надежды. Дядюшка вряд ли думал о своем племяннике, если допустил, чтобы подобное произошло. Его, Николаса, наследство?.. Нет, это какая-то шутка. Грубая отвратительная шутка. Возможно, дядя вызвал его только для того, чтобы дать еще одну пощечину – самую последнюю.

Снова вздохнув, он закрыл лицо ладонями и заплакал.

Джорджия увидела его, как только вышла на опушку с полной корзиной кореньев. Даже на расстоянии было видно, что он очень расстроен. Она почти физически ощущала его отчаяние – даже несмотря на то, что их сейчас разделяло футов двадцать. Джорджия не впервые заставляла Сирила в приступе отчаяния, но на этот раз почувствовала некоторую ответственность за парня, поскольку догадывалась, как сильно расстроила его накануне вечером. Ей захотелось хоть как-то исправить ситуацию, и она, опустив корзинку на землю, подошла к юноше и легонько коснулась его плеча.

– Сирил, мы можем снова стать друзьями. Ведь все не так уж плохо, верно?

Молодой человек вскинул голову, и Джорджия увидела серые глаза, наполненные слезами. Однако это были... другие глаза – не Сирила! Молодой человек очень походил на него, но это, конечно же, был не Сирил.

Джорджия отшатнулась и прижала руку к груди.

– Я... Прошу прощения, мне очень жаль... – Она умолкла и нервно сглотнула.

Молодой человек вскочил на ноги, и Джорджия еще больше смутилась; при этом она в восторге таращилась на незнакомца, потому что он, широкоплечий и мускулистый, был редкостным красавцем. Этот мужчина был просто великолепен!

– Ах!.. – воскликнула Джорджия, внезапно осознав, что не сводит глаз с незнакомца.

– Черт возьми, кто вы такая? – пробормотал он, точно смутившись.

– Я Джорджия... Джорджия Уэллс. Портниха леди Рэйвен. Мне действительно очень жаль, сэр. Я не хотела вам мешать, но вы так похожи на лорда Бридона... Я была уверена, что это именно он.

– И часто вы встречаете лорда Бридона рыдающего в одиночестве?

– Случается. Это еще одна причина, по которой я приняла вас за него.

Джентльмен нахмурился.

– Что ж, над этим стоит поразмыслить. Лорду Бридону уже семнадцать, и ему не следует потакать своим слабостям.

– Конечно, сэр. Безусловно, не следует. Но, к несчастью, молодой человек к этому склонен. Похоже, это у него семейное...

– Вы так думаете? – Николас приподнял одну из своих необычных аркообразных бровей.

– О, сэр... – Щеки Джорджии покрылись румянцем. – Я хотела сказать, что вы с ним, должно быть, родственники. Ничего другого я не имела в виду.

Николас едва заметно нахмурился.

– Мисс Уэллс, вы всегда позволяете себе замечания личного характера?

– Прошу меня извинить, но я не мисс, а миссис Уэллс.

– Извинить за то, что вы замужем? – В его глазах промелькнули веселые огоньки.

Джорджия не удержалась от улыбки. Шутки в Рэйвенсволке не одобрялись, и ее это очень угнетало.

– Сэр, так кто же вы? – спросила она, неожиданно приободрившись.

– Николас Дейвентри. Я племянник сэра Рэйвена. Некоторое время я отсутствовал. То есть меня не было в этих местах. Так что сомневаюсь, что вы обо мне слышали.

Джорджия в задумчивости посмотрела на собеседника.

– Да, понимаю, – сказала она наконец. Бросив взгляд на заброшенный дом, добавила: – Мне кажется, что понимаю...

– И что же, как вам кажется, вы понимаете, миссис Уэллс?

– Ведь вас расстроило состояние Клоуза, не так ли? Это я понимаю. Меня оно тоже расстраивает. Мне нравятся старые дома, и больно видеть их заброшенными. Дома ведь – как люди. Им необходимо, чтобы их любили, чтобы в них жили. Я часто прихожу сюда, чтобы просто посидеть тут и подумать. И я очень полюбила Клоуз. Он немного похож на сироту, а я сама была сиротой, у меня такое чувство, что у нас с этим домом есть что-то общее.

Николас ничего не ответил. Вместо ответа он вдруг обнял ее и поцеловал. Но его поцелуй совсем не походил на поцелуи, которые навязывал ей Багги, – липкие и удушающие. Не походил он и на поцелуй лорда Хертон – сухой, как пергамент (Как-то раз Хертон застал ее врасплох). Этот поцелуй был совсем другим, и он настолько встревожил Джорджию, что она, нервно вздохнув, оттолкнула красавца.

– Вы слишком многое себе позволяете, сэр, – сказала она, стараясь скрыть охватившую ее дрожь и чувствуя при этом, что ее слова звучали довольно глупо.

Николас провел ладонью по волосам и отступил на шаг.

– Приношу свои извинения, – пробормотал он. – С моей стороны... Это было непростительно. Боюсь, я на мгновение поддался боли, глубоко укоренившейся в моем сердце. Надеюсь, вы не натравите на меня своего мужа, который потребует дуэли на рассвете.

Джорджия покачала головой.

– Он уже мертв.

– Уже... Простите за вопрос, – но вы что, совершенно бесчувственная?

– Нет, конечно... Но здесь, в Рэйвенсволке проявление каких-либо чувств не допускается, так что, увы... – Джорджия со вздохом умолкла.

Николас взглянул на нее исподлобья и тихо проговорил:

– Может, вы немного расскажете мне о том, какова нынешняя жизнь в Рэйвенсволке? Ведь я жил здесь когда-то... Впрочем, довольно давно...

– Да. Сэр, конечно... – Джорджия с облегчением вздохнула, так как было ясно, что этот мужчина больше не собирался приставать к ней. – Думаю, что кое-что я могла бы рассказать. Но лишь для того, чтобы поддержать разговор. За последние восемь месяцев я почти ни с кем не общалась. И уж тем более не вела приятных бесед. – С этими словами она опустила на траву, решив, что никак нельзя продолжать разговор, постоянно задирая голову, чтобы взглянуть собеседнику в лицо.

– Гм... – хмыкнул Николас, опускаясь с ней рядом. Опершись локтем в колено, он в задумчивости посмотрел на нее. – Звучит довольно печально...

– Да, пожалуй... Так вот, леди Рэйвен не поощряет приятельских отношений между слугами, и мы все страшно боимся, что нас застанут за приватными разговорами. Увольнения в Рэйвенсволке похожи на Мадам Гильотину – такие же быстрые и кровавые.

Николас кивнул.

– Меня это не удивляет. Скажите, а как дела у моего дяди?

– Не знаю, я с ним не встречалась. Он не выходит из своих комнат. Я слышала, что ему нездоровится, хотя и не видела, чтобы его посещал доктор. Его здоровье никто из слуг не обсуждает, а Сирил не хочет говорить на эту тему. Думаю, что, может быть, именно по этой причине ваш кузен часто бывает расстроен. Конечно, нелегко, когда твои родители болеют. Ведь тогда будущее становится довольно неопределенным и даже страшным...

– Да, могу себе представить. Сирил всегда был очень ранимым ребенком. Он очень тяжело переживал смерть матери – ведь ему, бедняжке, было всего шесть. Леди Рэйвен, как вы уже без сомнения поняли, не особенно добрый человек, и поэтому она стала ему плохой матерью.

Джорджия прикусила губу.

– Я бы сказала, что она вообще ею не стала. Похоже, Сирил просто боится ее. Как и все остальные. Такой уж она человек, вам не кажется?

Николас мрачно улыбнулся.

– Да, возможно. Но меня-то ей так и не удалось запугать. – Он непроизвольно захватил пальцами пучок травы и вырвал с корнем. Затем в раздражении отбросил траву в сторону и спросил: – А какие чувства вы к ней испытываете?

– Чувства, мистер Дейвентри? – Я в услужении у госпожи. Мне не дозволяется иметь чувства.

– Даже в уединении вашей спальни, миссис Уэллс? Но ведь в людей проявляет свои чувства наедине с самими с собой, не так ли?

– Ну, что ж... Находясь у себя в спальне... В общем, я очень не люблю леди Рэйвен.

Николас рассмеялся.

– Говоря по правде, я и сам очень не люблю леди Рэйвен, поэтому вы могли бы рассказать мне обо всем, что наболело. Вы же не думаете, что я побегу к мадам, чтобы сообщать ей о ваших мыслях? Но ваш рассказ поможет мне составить более ясную картину нынешней ситуации. Ведь не забывайте: меня не было в этих местах целых десять лет.

– Десять лет? – переспросила Джорджия. Где же он был и чем занимался все эти годы? И почему его имя не всплывало в разговорах? Впрочем, трудно было представить, кто в этом странном доме мог бы упомянуть о нем. – Десять лет – это очень долго, мистер Дейвентри.

Но должна признаться, что с моей стороны было бы неразумно рассказывать вам еще что-либо. Я не могу позволить себе потерять работу. Ведь в этом случае леди Рэйвен позаботится о том, чтобы я не нашла другую.

Николас обдумал ее слова, потом сказал:

– Что ж, это говорит о многом. Скажи, а как ты решилась согласиться на место в Рэйвенсволке?

Джорджия пожала плечами.

– У меня просто не было выбора. Однажды моя прежняя хозяйка сообщила мне, что увольняет меня и что далее я буду работать на леди Рэйвен. Повторяю, выбора у меня не было. Поэтому я оказалась здесь.

Внимательно посмотрев на собеседницу, Николай тихо спросил:

– Неужели все так плохо?

Джорджия печально кивнула.

– Мне очень жаль... – пробормотал он. – но теперь, когда я вернулся... Возможно, я смогу вам чем-нибудь помочь.

– О нет! Прошу вас, мистер Дейвентри, умоляю, не вмешивайтесь. Если леди Рэйвен рассердится на меня, меня нигде больше не возьмут! Она обладает огромным влиянием, а без работы мне не прожить. – Глаза Джорджии наполнились слезами, и она, на мгновение отвернувшись, быстро утерла их. – Прошу прощения, – прошептала она. – Мне вообще не стоило откровенничать, это было глупо с моей стороны...

– Но вы сказали правду, а я, миссис Уэллс, ценю правду превыше всего. Поэтому знайте: так как вы были честны со мной, я никогда не допущу, чтобы вы оказались в сложном положении. Обещаю. Вы даже представить себе не можете, насколько облегчили мое возвращение. А теперь, извините. Я вас покину, поскольку не стоит откладывать неизбежное. Полагаю, вскоре мы увидимся вновь.

Джорджия молча опустила глаза. Подобная встреча, наверное, была так же вероятна, как борода на щеках леди Рэйвен. Взяв себя в руки, она улыбнулась и проговорила:

– Надеюсь, ваше возвращение домой окажется счастливым, сэр. – Она поднялась с травы, отряхивая юбки.

– Чертовски маловероятно, – пробормотал Николай, тоже вставая. – Но это, должно быть, будет интересно. Еще раз прошу прощения за поцелуй. Я порой действую весьма импульсивно, но имейте в виду: причина этого поцелуя – ваши добрые чувства к моему старому дому.

– К вашему дому?... Так это ваш дом?

– Да. Вернее – почти. Но в общем-то... да, конечно, мой. Видите ли, все чертовски сложно. Я ужасно расстроился, когда увидел, во что превратились мои детские воспоминания. И, конечно же, я был тронут тем, что вы испытывали схожие чувства. Так или иначе, но я сожалею о своем импульсивном...

Вскинув руку, Джорджия прервала его:

– Я все понимаю, сэр. Не беспокойтесь об этом. До свидания, мистер Дейвентри. – Джорджия подхватила свою корзинку и направилась в Рэйвенсволк.

Расправив плечи, Николай решительно потянулся к дверному молотку и ударил в дверь. На душе у него было тяжело, и стук собственного сердца отдавался в груди громким эхом. Теперь он почти жалел, что увидел состояние Клоуза. Если бы его иллюзии сохранились, то он, безусловно, испытывал бы большую симпатию к своему дяде. Но, с другой стороны, иллюзии – вещь опасная, и в данный момент он нуждался в хоть каком-то оружии...

Человек, открывший дверь, был ему не знаком, но тот вскинул брови, когда увидел Николаса, и тотчас же – это был дворецкий – отправился докладывать хозяевам о прибытии гостя.

Ожидая в холле, Николас отмечал мельчайшие детали. Дом несомненно был перестроен, и на ремонт наверняка потратили немалые деньги. Также было очевидно, что в холле этого дома находились вещи, раньше украшавшие комнаты Клоуза (уже одного этого было достаточно, чтобы у Николаса закипела кровь).

Он вскинул голову, услышав шорох платья по мраморному полу, и медленно обернулся.

Жаклин почти не изменилась, однако же в ее осанке появилась настоящая грация – то была уверенность истинной графини, а не гонор новоиспеченной дворянки, еще вчера бывшей вдовой богатого торговца. Сейчас она выглядела так, будто родилась графиней.

Лиф ее платья был скроен чрезвычайно искусно, а юбка, ниспадавшая к полу широким колоколом, все же не скрывала линии бедер. Но Николас знал, что именно скрывали дорогие ткани – воспоминание об этом все время пылало в его мозгу...

– Итак, Жаклин... – произнес он тоном, прозвучавшим холоднее самого холодного льда. – Итак...

– О, Николас... – прошептала она, едва шевеля своими почти бескровными губами. Ее лицо вдруг стало пепельно-серым, и он тотчас понял, что Жаклин была столь же неуверена в себе, как и он. Вот только у него было преимущество внезапности, которым ему удалось воспользоваться.

– Бог мой, а ты, похоже, совсем не изменилась. – Он шагнул к ней, но Жаклин немедленно отступила на шаг, по-видимому – непроизвольно.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она. – Ты ведь понимаешь, что тебя здесь не ждут. Чтобы не устраивать скандала, предлагаю тебе незамедлительно покинуть этот дом. Не вынуждай меня приказать слугам, чтобы выставили тебя за дверь.

Николас мрачно ухмыльнулся и проговорил:

– Как тебе не повезло, дорогая Жаклин... Меня мало волнует, насколько радушно или холодно ты меня примешь. Кроме того, я сомневаюсь, что твоим лакеям удастся выставить меня. Я намереваюсь увидеть своего дядю, и я увижу его.

Он ждал, что Жаклин резко возразит ему, поэтому не сразу понял смысла ее едва заметной улыбки. Немного помолчав, она ответила:

– Что ж, Николас, я не стану препятствовать тебе. Ты, конечно, можешь увидеть своего дядю. Но после этого ты покинешь мой дом без каких-либо возражений. – Развернувшись, Жаклин направилась к лестнице, и Николас тотчас последовал за ней.

Когда они вошли в коридор, ведущий в комнаты дяди, веселые голоса, доносившиеся откуда-то издалека, неожиданно стихли. Николас насторожился; во-первых, он совершенно не представлял, как встретит его дядя, а во-вторых, ему не нравилось, что эта встреча пройдет в присутствии Жаклин. Но, к сожалению, в его положении не было возможности диктовать свои условия.

Николас полагал, что его престарелый родственник пребывал, как обычно, в дурном настроении, поэтому совершенно не был готов к тому зрелищу, которое предстало перед его глазами, когда он вошел в спальню и наконец-то увидел дядюшку. Этот некогда сильный и энергичный человек, теперь абсолютно беспомощный, лежал в постели, укрытый по грудь одеялом. Тело больного казалось истощенным и безжизненным, а изо рта на подбородок стекала струйка слюны. Лицо же было странно перекошенным... и словно застывшим, живыми оставались только глаза, но и они казались затуманенными.

Николас опустился на колени подле кровати, стараясь сдержать растущую в сердце боль. Взяв в ладони беспомощную руку дядюшки, он проговорил:

– Дядя Уильям... Это Николас. Вы меня слышите? – Ему казалось, что сердце у него вот-вот разорвется; весь его гнев, все его прежние обиды забылись, когда он увидел перед собой то, что осталось от человека, в течение десяти лет заменявшего ему отца. В годы вынужденной ссылки эти чувства никогда не исчезали, хотя все это время они могли неплохо маскироваться покровом легкомысленного безразличия, под которым скрывалась глубокая обида. Но, по-видимому, еще глубже, в самой глубине его души, жила истинная и неизбывная любовь, теперь вырвавшаяся наружу – какие бы решения ни принимал его дядя в прошлом. – Дядя Уильям, я дома, – тихо продолжал Николас. – Ох, мне так жаль... но поверь, мы все исправим. – Ему показалось, что он увидел проблеск понимания в глазах дяди, и он сжал его иссохшую руку. – Мы не станем вспоминать прошлое, и я позабочусь о вас – как в свое время вы позаботились обо мне.

– Разумеется, вы этого не будете делать, – произнесла за его спиной Жаклин, и он обернулся. Проклятье, по глупой неосторожности он забыл, что она все еще здесь. – В-первых, за ним ухаживают слуги, а во-вторых, никто не может сделать для него больше, чем уже делается.

– Простое, но искреннее участие могло бы помочь дяде. Об этом вы не думали, Жаклин?

– Ваше участие, мой дорогой Николас, будет его только расстраивать. Ваш дядя не хочет вас видеть, и я не хочу. Никто из нас не забыл прошлого. Полагаю, сейчас вам лучше уйти, – добавила она, прищурившись – точно злобная кошка.

– А я так не думаю, – сказал Николас, поднимаясь. – Я останусь – нравится вам это или нет. Однако мне кажется, не обязательно именно здесь обсуждать подобные вопросы. – Резко развернувшись, он вышел из комнаты, и Жаклин, раздраженно фыркнув, последовала за ним. – Итак, – начал он, как только она прикрыла за собой дверь, – полагаю, такое положение дел вас вполне устраивает. Как давно Уильям в подобном состоянии?

– Не понимаю, каким образом это касается тебя. Тебя выгнали из этого дома, и ты никак не можешь изменить такое положение вещей. И с чего это вдруг тебя охватила такая тоска? Неужели ты полагал, что тебя тут встретят с распростертыми объятиями? Николас, твой дядя презирает тебя. Презирает, ты слышишь меня? И я не позволю, чтобы ты еще больше расстраивал человека, находящегося в столь тяжелом состоянии.

– Тебя абсолютно не волнует тяжелое состояние моего дяди, дорогая Жаклин. Тебя вообще не интересует мой дядя. Так почему бы нам не отбросить это нелепое притворство и не вернуться к фактам? Мы оба знаем правду, хотя у меня нет желания обсуждать ее. Вместо этого я хотел бы узнать имя человека, который занимается делами моего дяди.

– Этот человек – я, – сказала Жаклин с притворной скромностью, с трудом скрывая свое торжество. – Что именно ты хотел бы знать?

Николас посмотрел на нее с усмешкой.

– Неужели он мог совершить подобную глупость?

– Уильям не совершил никаких глупостей. Если кто-то и совершал нечто подобное, так это скорее именно ты, Николас. А теперь скажи мне, что бы ты хотел узнать? Я уверена, что смогу ответить на любой твой вопрос.

– Я хочу, чтобы мне передали Рэйвенс Клоуз, – процедил Николас сквозь зубы, с трудом сохраняя контроль над собой. – Давно пора было предъявить на него права, и то, что поместье пришло в столь жалкое состояние, без сомнения, твоих рук дело. Я хотел бы восстановить его. И чем быстрее мне передадут документы, подтверждающие мои права собственности, тем лучше.

Жаклин расплылась в злорадной улыбке.

– Какое невезение... – сказала она. – Ты ведь должен понимать, что твое положение – очень шаткое, поэтому...

– Мое положение состоит в том, что я должен вступить во владение Рэйвенс Клоузом, – перебил Николас. – Между мной и дядей существовала договоренность, что я унаследую поместье в возрасте двадцати одного года. Прошло несколько больше времени, и ты прекрасно знаешь, что запаздывание со вступлением в права наследника составляет уже почти десять лет.

– Но все изменилось, Николас, – заявила Жаклин и снова прищурилась. – Понимаешь, когда ты уехал, Уильям решил, что со временем твои кутежи или прекратятся, или окончательно погубят тебя. Как тебе известно, твой дядя имел полное право изменить условия наследования. И после твоего отъезда он их изменил, – добавила она; причем в голосе ее прозвучала такая ядовитая злоба, словно она была не женщиной, а страшной индийской коброй, готовой ужалить в любую секунду.

– Изменил?.. – пробормотал Николас. – И каковы же они сейчас, эти условия?

– В соответствии с новыми условиями ты должен жениться до своего тридцатилетия – или твоя собственность навсегда перейдет к Рэйвенсволку. И Уильям был в полном праве внести подобные изменения. Не представляю, Николас, как ты успеешь жениться в течение оставшихся трех недель. Какая жалость... Так что будь любезен – избавь нас от своего присутствия. Еще раз повторю: тебя здесь никто не ждал.

– Но я все же намерен получить то, что должно принадлежать мне. И я готов на многое – только бы не позволить вам, мадам, завладеть моей собственностью.

Жаклин до неприличия громко фыркнула и осведомилась:

– Неужели, Николас? Знаешь, я не думаю, что нам стоит затевать тяжбу. Твой дядюшка был не слишком высокого мнения об этой собственности и считал, что поместье не стоит того, чтобы вкладывать в него средства.

– Между прочим, я уже заметил, что вы, Жаклин, не погнушались дочиста ограбить поместье. Но меня это нисколько не удивляет. Вы всегда отличались неплохим вкусом и значительным корыстолюбием. Но не торопитесь радоваться, дорогая... Мне ясно, что лиса слишком долго управляла курятником, но я положу этому конец. – Резко развернувшись, Николас вышел из комнаты, надеясь, что сумел скрыть замешательство.

Он буквально вылетел из дома, стремясь побыстрее глотнуть свежего воздуха, – точно так же Николас поступал и после своих ночных кошмаров. Итак, в схватке со своей неродной тетюшкой он пропустил несколько серьезных ударов, самым сильным из которых было состояние дяди Уильяма. Но и перспектива потерять Клоуз навсегда, если он не женится до восемнадцатого числа следующего месяца, смутила его не меньше.

Шагая по залитой лунным светом тропинке, он минут десять шел в сторону Клоуза. Потом присел на упавший дуб и попытался обдумать возможные варианты спасения. Увы, никаких вариантов, казалось, вовсе не было.

– Господи, помоги мне, – прошептал Николас, так и не придя ни к какому решению даже по прошествии двух часов. Он был в полной растерянности. Наверное, впервые в жизни он испытывал такое отчаяние. – Господи, прошу тебя, – пробормотал он, подняв глаза к звездному небу, – помоги мне. Ведь есть же какой-то выход?..

И тут – словно ослепляющая вспышка вдохновения – перед его мысленным взором возникло серьезное и очень красивое женское лицо. Николас вздрогнул от неожиданности, но уже через несколько минут подумал: “А почему бы и нет? Черт побери, почему бы и нет?!”

– Благодарю тебя, Господи, – сказал он, вскинув голову и улыбнувшись звездам. – От всего сердца благодарю.

Он поднялся на ноги и, чувствуя себя уже гораздо лучше, отправился в путь.

Николас решил попытать счастья и обследовать башенку, рассудив, что Джорджию поселили в одной из комнат, расположенных над комнатами слуг. Мальчишкой, когда его

запирали, наказывая, он легко сбегал из заточения, и ему было не так уж сложно взобраться по задней стене дома. Николас прополз по плоской крыше и заглянул в высокое узкое окно. Как и следовало ожидать, Джорджия Уэллс крепко спала на узкой кровати с железными стойками.

Стол, заваленный отрезами материи, стоял в дальнем углу, а рядом высился портновский манекен, наполовину прикрытый уже законченным платьем.

Николас тихонько постучал в окно, но спавшая женщина лишь перевернулась на другой бок. Он постучал снова, на этот раз – громче. Она тотчас приподнялась и села в постели. Потом откинула одеяло и, неуверенно ступая, подошла к окну. Ее глаза были полуприкрыты, а взгляд казался затуманенным. Николас еще раз осторожно постучал по стеклу, и тут, Джорджия наконец отворила окно и выглянула наружу.

– Добрый вечер, миссис Уэллс. – Николас вышел на освещенный луной участок карниза. – Чудесная ночь, не так ли?

Женщина вскрикнула, но тут же прикрыла ладонью рот. А Николас, ступив на подоконник, спрыгнул на пол.

– О нет! – воскликнула Джорджия, машинально выставив перед собой руки. – Вы должны немедленно уйти, прошу вас.

– Вы меня не так поняли, миссис Уэллс. Прошу меня извинить, что разбудил вас в такой час и подобным образом, но то, что я должен вам сказать, не терпит отлагательства. У меня к вам предложение, и ответ я должен получить незамедлительно. Уверяю вас, этот мой странный визит не имеет ничего общего с обольщением.

Она внимательно посмотрела на него, потом в растерянности пробормотала:

– Что же в таком случае вынудило вас забраться сюда?

– На самом деле речь идет о женитьбе.

– О женитьбе? Вы сошли с ума? А может, у вас горячка? Ох, наверное, все это мне снится. Да, должно быть, так. И в этом случае... Позвольте пожелать вам спокойной ночи, сэр. А теперь окажите любезность – исчезните, останьтесь всего лишь приятным сном.

Джорджия развернулась и той же неуверенной походкой направилась обратно к кровати. Казалось, она действительно думала, что видит сон, Николас – всего лишь сон.

– Миссис Уэллс, уверяю вас, я не сошел с ума. И вам все это не снится. – Он подошел к ней и, взяв ее за плечи, развернул лицом к себе. – Пожалуйста, проснитесь. Мне необходимо поговорить с вами, и я не уйду, пока мы не поговорим.

Он слегка встряхнул Джорджию, и она, нахмурившись, пробормотала:

– Боже... Так это не сон?

– Не сон, миссис Уэллс.

– Но вы... Вы вошли через окно! Как вам это удалось?

– Я вскарабкался по стене. Подумал, что так будет безопаснее, чем подниматься к вам по лестнице.

Джорджия в смущении взглянула на свою ночную рубашку.

– Это совершенно недопустимо, мистер Дейвентри. Вы должны сейчас же уйти. Не понимаю, почему люди всегда считают, что могут свободно входить в мою спальню только потому, что я – швея. Я очень много работаю, и мне необходимо выспаться.

Внезапно Николас поймал себя на том, что едва удерживается от смеха. Джорджия казалась очень милой, хотя, не вполне проснувшись, немного походила на сову. Да-да, она была такой же привлекательной, какой он ее запомнил. И теперь, когда ее волосы не были закрыты уродливым чепцом, видно было, что они – цвета темного золота. Щеки же покрывал нежный румянец, а голубые глаза... О, то, что он в них увидел, вполне можно было истолковать как обещание.

Николас сделал глубокий вдох, стараясь отогнать неуместные мысли. Сейчас следовало сосредоточиться на деле.

– Миссис Уэллс, вы выйдете за меня замуж? – выпалил он.

– С какой стати мне совершать подобную глупость? – Джорджия опустила на кровать и, прикрыв рот ладошкой, зевнула. Казалось, ее нисколько не заинтересовало его предложение.

– Видите ли, миссис Уэллс, сегодня вечером выяснилось, что мне совершенно необходимо жениться. Как я вам уже говорил, Рэйвен Клоуз должен стать моим. Но для того, чтобы унаследовать его, я должен жениться до своего тридцатилетия, а тридцать мне исполнится через три недели.

– Я вполне понимаю ваши обстоятельства, мистер Дейвентри. Но ведь вокруг, я думаю, немало незамужних дам, которые с восторгом примут ваше предложение.

– Я не знаю в Англии никаких незамужних дам, поскольку совсем недавно ступил на этот берег. Но вы мне прекрасно подойдете.

– Нет, не подойду. Вы никак не можете жениться на швее, мистер Дейвентри. Без сомнения, у вас найдется более подходящая кандидатура.

– Я не вижу ничего, что бы хоть в какой-то степени помешало моему браку с вами. Неужели вы думаете, что представляете угрозу для моей респектабельности? Уверяю вас, у меня ее нет. Скорее, это я могу представлять угрозу для вашей репутации.

– О, нет-нет. Это меня не беспокоит ни в малейшей степени. Как такое может меня волновать?.. Я просто не вижу в этом браке никакой выгоды для вас.

Разговор принял совсем не тот оборот, какой ожидал Николас. Он-то рассчитывал, что она прежде всего увидит собственную выгоду.

– Моя выгода – очевидна, – пробормотал он в некоторой растерянности. – И если честно, то мне просто в голову не приходит, на ком еще я мог бы жениться. Вы же сами говорили, что испытываете добрые чувства... если не ко мне, то к моему дому. Кроме того, вы сказали, что вам здесь плохо? Значит, замужество выход для вас, не так ли? Если вы выйдете за меня замуж, леди Рэйвен больше не будет иметь власти над вами. Поймите, миссис Уэллс, я хочу получить то, что принадлежит мне по праву. А вы, если станете моей женой, сотворите благо для нас обоих. Вы могли бы, по крайней мере, обдумать возможность такого брака.

Джорджия подтянула колени к подбородку, старательно прикрыв их рубашкой, и в задумчивости посмотрела на ночного гостя.

– Но вы обо мне совсем ничего не знаете, – пробормотала она.

– А вы ничего не знаете обо мне, – парировал Николас. Но я полагаю, мы могли бы узнать самые главные факты за сравнительно короткое время.

– Даже самые главные факты вряд ли могут служить основанием для брака.

– Тогда подумайте о Клоузе, – сказал он, в отчаянии хватаясь за соломинку. – Нельзя отрицать того, что он в ужасном состоянии. А вы сказали, что Клоуз вам небезразличен. Если же я не вступлю во владение поместьем, оно останется у леди Рэйвен, которая, без сомнения, и пальцем не пошевелит, чтобы восстановить его. А мой дядя уже ничего не сможет сделать... И если уж говорить прямо, то он скорее мертв, чем жив, бедняга. Его жена все дела взяла в свои руки, и это очень опасно. Но если мне удастся заполучить Клоуз, то я сумею его восстановить. Но для этого мне нужна ваша помощь.

– Моя помощь? – с сомнением переспросила Джорджия. – Думаете, я смогу вам помочь?

Николас понял, что затронул в ее душе какую-то нужную струнку. По-видимому, в сердце Джорджии Уэллс жило неизбывное стремление помогать людям.

– Конечно, вы можете мне помочь, – продолжал он. – И не только мне. Ведь если вы сейчас поможете мне выбраться из этой запутанной ситуации, я, возможно, потом смогу

помочь своему дяде и, может быть, даже Сирилу, который, судя по вашим словам, очень в этом нуждается. Только пока что я могу предложить вам взамен всего лишь полуразрушенный дом и кучку бестолковых родственников. Ну, что вы на это скажете?

Джорджия ненадолго задумалась, потом пробормотала:

– Сложная у вас ситуация... Похоже, вы находитесь в очень затруднительном положении.

– Так же, как и вы. А ведь порой люди заключают браки даже с меньшими на то основаниями.

Джорджия кивнула.

– Это верно, сэр.

– Я понимаю, что для вас все это очень неожиданно. К тому же, мы с вами только сегодня познакомились. Но боюсь, у нас просто нет времени на раздумья.

– О да, я вполне это понимаю, – кивнула Джорджия.

– В самом деле? Что ж, очень хорошо. Так вы выйдете за меня замуж, миссис Уэллс?

– Ну...

– Говорите же, миссис Уэллс.

– Полагаю, идти мне в общем-то некуда, а работу без рекомендаций я получить вряд ли смогу, – неуверенно проговорила Джорджия. – Однако мое положение в этом доме просто невыносимо, так что... Похоже, вы правы. У меня нет выхода, поэтому мне, возможно, придется принять ваше предложение.

– Замечательно, миссис Уэллс! – воскликнул Николас. – Интересно будет взглянуть на леди Рэйвен. Она, без сомнения, будет в ярости.

Джорджия рассмеялась.

– В этом есть что-то от истории с Рапунцель, не так ли? Из леди Рэйвен получилась бы великолепная ведьма. И будет очень приятно, если удастся хорошенько разозлить ее. Вот только не знаю... – Изображая задумчивость, она чуть прикусила губу. – С поместьем – сплошные проблемы. Плюс леди Рэйвен в качестве родственницы. Все это выглядит не очень-то соблазнительно. Вот если бы у вас было приличное состояние...

– Если бы у меня было приличное состояние? – переспросил Николас, едва не подавившись этими словами.

– Да, сэр. Но похоже, с этим ничего не поделаешь. С другой стороны, – продолжала Джорджия с лукавой улыбкой, – зубы у вас, кажется, здоровые, а телосложение очень даже неплохое. К тому же вы сохранили свои волосы. А ведь могло быть гораздо хуже – принц, явившийся, чтобы спасти меня, мог бы оказаться толстым, лысым и беззубым.

– Спасибо вам, миссис Уэллс, – Николас с облегчением вздохнул. – У меня также нет претензий ни к вашему телосложению, ни к вашим зубам. Значит, мы придем к соглашению?

Джорджия на мгновение потупилась. Когда же она снова подняла голову и их взгляды встретились, Николас увидел, что в глазах ее уже не было веселья.

– Вы что, не понимаете, что этот наш разговор – полнейшее безумие? – проговорила она.

– Это не более чем соглашение. Как и большинство браков. К тому же... Может быть, мы с вами очень даже подойдем друг другу. Более того, учитывая наши обстоятельства... Мы наверняка подойдем друг другу – я в этом уверен.

– Это вы так говорите, а мне надо подумать...

– Я предпочел бы, чтобы вы этого не делали. У нас не та ситуация, чтобы тщательно все обдумывать.

На губах Джорджии снова заиграла улыбка.

– Полагаю, мне следует поблагодарить вас за то, что вы вообще поинтересовались моим мнением. – Она тяжело вздохнула. – Хорошо, мистер Дейвентри, я выйду за вас замуж.

Хотя, признаюсь, меня одолевают довольно странные чувства... Но если я смогу помочь вам – тогда все это имеет смысл.

– Благослови вас Господь, миссис Уэллс. Я готов поверить, что вы ниспосланы мне небесами.

– А сейчас, мистер Дейвентри... Не будете ли вы столь любезны, не могли бы вы покинуть мою комнату? Причем, если возможно, тем же эксцентричным способом, каким попали сюда.

– Не беспокойтесь, я уйду тем же путем. Просто спущусь по стене. Но давайте сохраним наше соглашение в тайне от леди Рэйвен. По крайней мере – до воскресенья, когда священник спросит, нет ли препятствий к браку. Ведь эта женщина... О, ей хотелось бы увидеть полное разрушение, опустошение и разорение Клоуза!

– Послушайте, мистер Дейвентри, я думаю, что вам стоит обзавестись всеми необходимыми бумагами, если это возможно. Коль скоро вы считаете, что леди Рэйвен возмутит, а то и оскорбит подобная ситуация, она, возможно, попытается найти способ остановить вас. И мне кажется, что эта женщина способна на все, вплоть до убийства. А от мертвой от меня вряд ли будет какой-то толк.

Николас рассмеялся.

– Да, моя девочка, это очень разумно. Я не подумал о специальной лицензии, но теперь понял, что следует. Что ж, в таком случае чем раньше, тем лучше. И я вот что сделаю... Уеду рано утром – и все строю. А потом, как только найду архиепископа и получу нужные документы, вернусь в деревню и пошлю за вами уже оттуда. Думаю, мне не стоит появляться здесь, пока все не будет сделано. Леди Рэйвен необязательно знать о нашем браке до его заключения.

– Очень хорошо. Я буду ждать весточки. – Джорджия изящным жестом указала ему на окно – словно они завершали официальную встречу в гостиной. Но ночная рубашка, неожиданно обнажившая ее лодыжки, тут же разрушила этот образ. – Спокойной ночи, мистер Дейвентри.

Она протянула ему руку, и Николай грациозно склонился над ней. После чего снова влез на подоконник и, не мешкая, спустился вниз, цепляясь за выступы стены и пытаясь понять, на что же он все-таки решился. Оказавшись на земле, Николай начал осматриваться в поисках Бинкли и экипажа и вдруг понял, что все еще улыбается.

Глава 3

Джорджия еще раз прочитала послание Николаса, потом сложила листок и сунула в карман плаща. Взглянув на свои дрожащие руки, она сняла обручальное кольцо Багги и спрята- тала в тот же карман. Вскоре она вообще избавится от этого кольца где-нибудь в зарослях дикого кустарника. Примерно через час другое кольцо будет сидеть на ее пальце; причем наденет его мужчина, которого она совершенно не знала. А потом... Потом ведь она должна будет принадлежать этому мужчине, не так ли?

Джорджия неотрывно смотрела в окно, задаваясь вопросом: а не сошла ли она с ума? Сразу после того, как Николас исчез за окном, она осознала всю ответственность принятого решения – и тотчас же вскочила с постели, намереваясь окликнуть его и заявить, что пере- думала. Но уже через несколько секунд Джорджия убрала руку с оконной задвижки. “Или жизнь с Николасом Дейвентри – или долгие месяцы, а то и годы рабства у леди Рэйвен”, – сказала она себе. В таком случае... уж лучше Николас. Ведь этот человек – такое случилось с ней впервые в жизни – поинтересовался ее мнением.

Она в последний раз оглядела свою комнатку в башне, потом расправила плечи, взяла небольшой саквояж и, осторожно ступая, спустилась по лестнице и вышла из дома через черный ход, чтобы выйти замуж за своего безрассудного принца с его разрушенным замком.

Экипаж ожидал у ворот Клоуза, именно там, где обещал Николас. Рядом с экипажем стоял и сам жених, но не один, а вместе с полным джентльменом постарше.

Немолодой джентльмен стоял с совершенно невозмутимым видом, а вот Николас, как показалось Джорджии, был чем-то озабочен. Приблизившись к ним, она постаралась при- дать своему лицу выражение невозмутимого спокойствия. По-видимому, ей это не совсем удалось, поскольку Николас, обернувшись на ее шаги, взглянул на нее с некоторым удивле- нием.

– Добрый день, мистер Дейвентри, – сказала она, проклиная свой дрожащий голос.

– Добрый день, Джорджия, – ответил Николас, улыбаясь. – Я очень рад, что вы все- таки решили прийти, но прошу, постарайтесь не смотреть на меня так, а то викарий может подумать, что я обрекаю вас на судьбу более страшную, чем сама смерть. Поверьте, я не собираюсь вас убивать – мы всего лишь поженимся. Надеюсь, вы не передумали.

– Нет, не передумала. Я дала вам слово и не пойду на попятный. Честно говоря, мне казалось, что это вы можете передумать.

– После того как я вскарабкался по стене Рэйвенсволка, чтобы попросить вашей руки? Исключено. Дорогая, позвольте мне представить вас моему слуге и ангелу-хранителю мистеру Бинкли. Без него я был бы как без рук. Бинкли, это миссис Уэллс.

Бинкли поклонился и проговорил:

– Миссис Уэллс, я чрезвычайно рад знакомству с вами. Как великодушно с вашей сто- роны согласиться взять этого джентльмена в супруги...

Джорджия невольно улыбнулась. В Бинкли было что-то очень цельное и респектабель- ное, и он сразу же ей понравился.

– Благодарю вас, мистер Бинкли, – сказала она. – Я уверена, что и ваш хозяин проявил великодушие, согласившись взять меня в супруги. Учитывая же то обстоятельство, что мы друг друга совершенно не знаем... Полагаю, этот опыт должен, как минимум, бодрить.

– Наверное, вы правы, мэм. И поверьте, жизнь подле мистера Дейвентри никому не позволит скучать. Могу я помочь вам сесть в экипаж?

Джорджия подобрала свои юбки и, опершись на руку Бинкли, забралась в экипаж. Взглянув на Николаса, севшего следом за ней, она тихо проговорила:

– Вы не сказали мне, что есть некий Бинкли, который, похоже, является неотъемлемым приложением к нашему браку.

– Считайте его моим свадебным подарком. Поверьте, довольно скоро вы будете благодарить меня за Бинкли. Он может решить великое множество домашних... и иных проблем. Кроме того, у этого человека ум как бритва, и он обладает гораздо более развитым чувством пристойности, чем я. Именно поэтому он неплохо за мной присматривает.

Джорджия молча кивнула, неожиданно смутившись. Лишь сейчас она с изумлением осознала: отныне они с Николасом будут вместе воздвигать свой общий дом – и если их не разлучит смерть или полное неприятие друг друга, то жизни их теперь будут неразрывно связаны. Она нервно поерзала на мягком сиденье экипажа и тихонько вздохнула.

– Волнуешься? – участливо спросил Николас.

– Да. Извините, мистер Дейвентри, но я ничего не могу с собой поделать. Еще сегодня утром я была портнихой леди Рэйвен, – а уже днем стану женой человека, которого до этого встречала лишь дважды... и при довольно странных обстоятельствах. Я обычно не склонна впадать в нервическое состояние, уверяю вас. Но вы должны признать, что ситуация весьма необычная и способствует подобной реакции.

– Я все понимаю, – кивнул Николас. – По правде говоря, я и сам немного нервничаю. Вступление в брак – дело серьезное. Вот почему я хочу жениться здесь, в деревенской церкви, куда я обычно приходил на службу. Конечно, мы мало знаем друг друга, но это – наша свадьба, и я хочу, чтобы все происходило... надлежащим образом.

Невеста промолчала. В смущении поправив юбки, она снова поерзала.

– Джорджия, и вот еще что...

– Да-да, я слушаю.

– Не могла бы ты называть меня Николасом? Мне это было бы приятно.

– Да, конечно, – кивнула Джорджия. – Пожалуйста, Николас, расскажите мне, что вам нравится, а что нет, и я постараюсь подстроиться под вас.

Он чуть отодвинулся и внимательно посмотрел на нее.

– Подстроиться под меня? Дорогая, позволь мне внести ясность. Я вовсе не хочу, чтобы под меня подстраивались. Мы с тобой вступаем в равноправный союз, и будет хорошо, если ты именно так станешь рассматривать свое положение. Конечно, я буду очень рад, если ты начнешь помогать мне, а иногда, возможно, даже потакать моим слабостям, но ты не должна считать себя моей служанкой. – Он сдвинул брови и добавил: – Ты ведь уже была замужем, так что наверняка понимаешь, о чем я...

Джорджия вновь кивнула, чувствуя, как краска заливает ее щеки. Она прекрасно все поняла – просто Николас выражался весьма деликатно...

– Прости, – тихо сказал он почти тотчас же. – Наверное, я был бестактен. Возможно, будет лучше, если мы посмотрим на это как на наш общий новый старт, как на некую захватывающую авантюру, в которую мы рискнули ввязаться.

Джорджия посмотрела на своего жениха и едва заметно улыбнулась.

– Ты тоже должен простить меня. Ты необычайно добр, а я веду себя как глупая девчонка. Ты абсолютно прав. Мы оба отправляемся... в приключение, и я постараюсь не забывать об этом.

– Вот и хорошо. Джорджия, мы уже приехали, – с этими словами Николас выбрался из экипажа, затем помог своей невесте. А потом сразу повел ее в церковь.

В церкви было сумрачно и прохладно, а запах старого дерева и воска приятно щеко-тал ноздри. Викарий – милый старичок – искренне обрадовался, увидев Николаса, которого, по-видимому, в свое время крестил. Узнав о причине его визита, священник в восторге воскликнул:

– Все будет в лучшем виде, мой мальчик! Какую замечательную женщину ты выбрал в невесты! Я очень рад, что ты решил обвенчаться именно здесь, в церкви, стены которой видели тебя еще младенцем. А теперь, пожалуйста, станьте здесь, миссис Уэллс, а ты здесь, Николас, твой слуга – за тобой, а миссис Петерсби – вот там, пожалуйста. Ну что, начнем?

Джорджии показалось, что она вот-вот лишится чувств. Господи, она слишком хорошо помнила свое первое венчание – вот только тогда в глазах викария был холод, а все присутствовавшие не очень старательно скрывали насмешливые улыбки. Но тогда она была невинной и не понимала, что означали эти насмешки.

– Берете ли вы, Джорджина Юджиния, в мужа этого человека?..

Монотонный голос викария звучал словно издалека, и Джорджия украдкой взглянула на Николаса. К счастью, он совершенно не походил на Багги. Рассеянный свет, проникающий сквозь запыленное стекло небольшого оконца, падал на него таким образом, что она видела лишь абрис его профиля – прямую переносицу, высокий лоб, очертания чувственных губ и контур подбородка. В неярком свете свечей можно было разглядеть и завиток темных волос, заправленных за ухо удивительно правильной формы.

Николас неожиданно повернул голову, и их взгляды встретились. Он улыбнулся, а Джорджия, покраснев, быстро опустила глаза.

Нет, не было никакого внешнего сходства с Багги, совершенно никакого. Багги, стоявший у алтаря в своей лучшей одежде, хотя и не отрывал от нее глаз, ни разу не улыбнулся ей, и теперь она понимала, о чем он тогда думал.

– Этим кольцом я соединяюсь с тобой и перед ликом Господнем клянусь, что до конца дней своих буду любить, утешать и почитать тебя... – сказал Николас, надевая ей на палец золотое кольцо.

Джорджия посмотрела на кольцо. Оно было тяжелее, чем кольцо Багги, и золото было чистым. Тут Николас приподнял ее подбородок и, наклонившись, нежно поцеловал. Джорджия непроизвольно напряглась. Он поцеловал ее гораздо осторожнее, чем при первой встрече в зарослях у Рэйвенс Клоуза. Сейчас его теплые губы лишь слегка коснулись ее губ, и это оказалось совсем неплохо.

По завершении церемонии они выслушали традиционные поздравления и, не мешкая, отправились в Кок-энд-Булл, где Николас оставил ее, сказав:

– Я скоро вернусь. Сейчас я еду в Рэйвенсволк, чтобы предъявить свои права на Клоуз. Полагаю, что мне лучше одному сделать это.

Джорджия лишь кивнула в ответ, моля Господа, чтобы Николас поскорее уехал. Едва стих перестук колес его экипажа, как она выбежала из местной гостиницы и быстро зашагала по деревне, стараясь как можно быстрее оказаться где-нибудь в поле – чтобы свежий воздух выветрил из ее головы все недавние переживания. И черт с ними, с приличиями! Но она, конечно, не догадывалась, что Бинкли заметил ее бегство и, держась на подобающем расстоянии, пошел следом за ней.

Жаклин стояла посреди библиотеки, дрожа от ярости.

– Что ты имеешь в виду, говоря, что женат? – проговорила она, словно выплевывая слова. – Я тебе не верю. Ты лжешь! Где доказательства?

Николас бросил на стол свидетельство о браке.

– Читай, Жаклин. На этой бумаге еще чернила не высохли.

Она схватила документ и быстро пробежала его глазами. Затем свидетельство выпало у нее из рук, и в эти мгновения она выглядела так, словно ей только что дали пощечину. Кровь отхлынула от лица Жаклин, и оно стало абсолютно белым, только на щеках ярко горели красные пятна.

– Нет, это невозможно. Только не Джорджия Уэллс. Нет, нет, нет!

– Да, именно Джорджия. – Николас скрестил руки на груди. – Но теперь она – Джорджия Дейвентри. Попрощайся со своей модисткой, Жаклин, и скажи «до свидания» Рэйвенс Клоузу. Я хотел бы получить все необходимые документы и ключи, хотя на самом деле в ключах нет необходимости. Двери просто упадут от малейшего прикосновения. – Он поднял с пола свидетельство о браке. – Думаю, ты не станешь опротестовывать этот документ. Право, дорогая, нет смысла упрямиться. Смирись с тем, что все твои замыслы провалились.

Жаклин – она выглядела сейчас совершенно больной – постаралась взять себя в руки и сказала:

– Не знаю, как тебе это удалось, Николас, хотя я не исключаю и происков этой шлюшки. Но я твердо тебе обещаю: ты об этом пожалеешь. Клянусь, я заставлю тебя пожалеть об этом.

– Клянись, в чем хочешь, Жаклин. Мне это безразлично. Отныне и ты сама мне безразлична. Отныне ты никак не сможешь повлиять на мою жизнь, и я готов держать пари, что именно этот факт так бесит тебя. Что ж, может, стоит поскорее принести документы и окончательно распрощаться?

Жаклин испустила протяжный вздох, напоминавший змеиное шипение.

– Не спеши, Николас, – процедила она. – Ты даже не представляешь, на что я способна. Да-да, не представляешь.

– Возможно, так и есть, Жаклин. Но мне противно заглядывать в ту пропасть, в которую ты готова пасть. Поскольку же сегодня день моей свадьбы, я хотел бы побыстрее вернуться к своей жене. Я больше не собираюсь терять тут время. Ключи, пожалуйста.

Она разъяренным вихрем пронеслась мимо него, и Николас, весьма довольный собой, ухмыльнулся, отметив, как рассвирепела леди Рэйвен. Да-да, он был очень собой доволен. Что ж, хоть что-то, связанное с Жаклин де Гир, могло его порадовать.

Он уже собирался отвязать свою лошадь от коновязи, когда из-за угла дома вышел худощавый молодой человек. Увидев Николаса, он в нерешительности остановился. Николас же расплылся в улыбке – перед ним стояла его точная копия; казалось, он видел себя самого, видел таким, каким был лет пятнадцать назад.

– Боже мой, Сирил! – Он шагнул к юноше, протягивая руку. – Я рад тебя видеть! Я Николас, твой кузен Николас! Ты ведь помнишь меня?

– Что т-ты тут делаешь? – Сирил не только не пожал ему руку, но и опасливо отступил в сторону.

Искренне удивившись, Николас опустил руку.

– Я вернулся домой, Сирил. Разве твоя мачеха не сказала тебе об этом? Ага, вижу, что не сказала. Я собираюсь перебраться в Клоуз.

– В Клоуз? Н-но ты не м-можешь! – воскликнул юноша.

– Не могу? Отчего же?

– П-потому что... не м-можешь. Мой отец в-выгнал тебя отсюда. Ты не м-можешь вернуться.

– Но я ведь уже здесь, – заметил Николас. – Вот он я, – а вот и ключ. – Он показал Сирилу ключ. – Мы с женой переезжаем туда сегодня вечером. Мне очень жаль, если новость тебя не обрадовала, но я этого слишком долго ждал. И я долго ждал встречи с тобой, надеялся, что ты обрадуешься моему возвращению. Признаюсь, меня удивляет твоя реакция.

– А меня удивляет т-воя наглость. – Сирил покраснел. – Тебе з-здесь не место.

– Что ж, ты имеешь право на свое мнение. Я не знаю, что именно тебе рассказали о моей ссоре с твоим отцом, но мне совершенно ясно, что этот конфликт тебе представили в самых мрачных тонах. Послушай, Сирил, ты мой единственный кузен. Хотелось бы надеяться, что мы с тобой снова станем друзьями. Я понимаю, ты был слишком молод, когда я уехал. Но ты ведь наверняка не забыл, как мы вместе проводили время?

Юноша молча ковырял землю носком сапога. Николас нахмурился и сказал:

– Сирил, не торопись с выводами и хорошенько все обдумай. Ты знаешь, где меня найти. Добро пожаловать в любое время. Всего хорошего. – Он отвязал лошадь и вскочил в седло. – Мне очень жаль твоего отца, кузен. Чертовски досадно, что все так вышло. Надеюсь, он все-таки поправится.

Сирил еще гуще покраснел. Не сказав ни слова, он резко развернулся – и исчез в доме. Николас со вздохом пожал плечами. Он решил не обижаться на странное поведение кузена. Сирил ведь был совсем мальчишкой, когда его, Николаса, вынудили уехать, – и бог знает, что мальчику про него рассказывали. Возможно, потребуется время, чтобы восстановить отношения, но теперь-то времени у него было достаточно, а вымаливать прощение он не собирался. Пусть его поступки говорят сами за себя. Что же касается Сирила... Хм... а почему он заикался? Ведь в детстве у него не было ни малейших признаков подобного недуга. Следовало расспросить Джорджию. Возможно, она что-то знала об этом.

Он направил свою лошадь в сторону Клоуза и какое-то время провел у жутких развалин, в которые превратилось его поместье. Час спустя Николас вернулся на постоянный двор и тотчас заказал большую кружку пива. Потом послал за Бинкли.

– Рэйвенс Клоуз лишь в малой степени подготовлен для обитания, сэр, – заявил слуга, докладывая о своих трудах. – Это, безусловно, не самое привлекательное место для первой брачной ночи, но там достаточно тепло, есть еда, а задние комнаты сейчас приводят в порядок. Комната для миссис Дейвентри уже подготовлена. Как вы и приказывали, в смежной спальне я растопил камин. Вот только мебели там явно не хватает...

– Спасибо, Бинкли. Сейчас мы отправимся за миссис Дейвентри, а потом ты отвезешь нас. Да, кстати... Ты ведь предусмотрел кое-какие мелочи? Я хочу, чтобы эта ночь была по возможности приятной.

– Да, сэр. Вино перелито в бутылки, а свечи готовы, хотя их немного. В полумраке бедность обстановки будет не так бросаться в глаза. Кроме того, можно надеяться, что миссис Дейвентри будет на все смотреть сквозь розовые очки...

– Бинкли, ты поражаешь меня!

– Прошу прощения, сэр, но действительно требуются самые чрезвычайные меры. Вам, сэр, потребуются такие же очки, чтобы завтра примириться с истинным положением дел. Верхний этаж нуждается в полном восстановлении, а крыша, как я удостоверился, едва держится.

– Гм... Это плохо. Но ничего, Бинкли, мы все сделаем и все восстановим. Ты действительно надежный человек. Благодарю.

– Не за что, сэр. Я буду ожидать вас снаружи. – С этими словами слуга шагнул за дверь – как всегда, абсолютно невозмутимый.

Проводив Бинкли взглядом, Николас невольно улыбнулся. Казалось, его слугу невозможно было вывести из себя – в этом Николас вполне мог убедиться за те восемь лет, что Бинкли находился у него в услужении. Вероятно, потребовалось бы самое настоящее землетрясение, чтобы шевельнулся хоть один волосок на крепкой голове Бинкли.

Джорджия стояла перед Рэйвенс Клоузом, внимательно рассматривая старый дом. Он выглядел не лучше, чем обычно. Пять треугольных фронтонов давно уже потеряли большую часть облицовочной плитки, а в черепичной крыше зияли черные провалы. «Бедный дом», – подумала она со вздохом. Но теперь в нем наконец-то появятся обитатели, которые вдохнут в него жизнь и со временем приведут все в порядок. Да-да, они с Николасом вернут поместью былую красоту.

В этот момент муж подошел к ней и взял ее за руку.

– Джорджия, похоже, ты окончательно замерзла. Уверена, что не хочешь вернуться в Кок-Энд-Билл и пожить там, пока мы не сделаем этот дом более пригодным для жизни?

– Уверена, Николас. Я уже говорила и готова повторить: этот дом будет нашим домом. И я готова прямо сейчас стать тут хозяйкой.

– Но ведь сегодня – наша первая брачная ночь!

– Разве это имеет какое-либо значение? – спросила она, краснея.

– Но ты ведь еще не посмотрела, что там внутри. Признаюсь, меня восхищает твоя отвага. И знаешь, несмотря на определенные неудобства, я тоже предпочел бы остаться здесь. А теперь пойдем. Тебе необходимо согреться. – Он отворил парадную дверь и ввел жену в дом.

– О, Николас... – Джорджия взглянула на покрытый плесенью потолок, на облупившиеся стены и на покоровившийся от времени и влаги паркет.

У нее заныло сердце – ей было больно за дом и ужасно обидно за Николаса. И здесь повсюду ощущался запах сырости и плесени. Сделав несколько шагов по некогда красивому холлу, Джорджия тотчас заметила, что некоторые половицы почти сгнили. В общем, первое впечатление оказалось довольно тяжелым.

Они осторожно пересекли холл, и Николас отворил дверь в гостиную, а затем – в библиотеку. Обе комнаты были в крайне запущенном состоянии, но Джорджия с облегчением отметила, что книги вроде бы не очень пострадали – во всяком случае, не сгнили. Вероятно, крыша протекала только в передней части дома.

– Верхний этаж мы оставим на потом. А вон там... Там настоящее бедствие. – Николас повел жену в центральную часть дома, и они прошли через кухню, где, несмотря на самые сложные условия, уже всюду орудовал Бинкли.

Немного помедлив, супруги вошли в столовую. Николас провел пальцем по спинке стула красного дерева – стулья стояли у широкого длинного стола – и, усмехнувшись, проговорил:

– Думаю, что моя «тетя» почти не разорила столовую и кухню. Наверное, не нашла применения этому столу в Рэйвенсволке. Помимо гостиной, в которой, очевидно, по счастливой случайности остались диван и несколько кресел, это, вероятно, одна из тех комнат, которые мы в первую очередь попытаемся привести в божеский вид.

– О, дорогой... Да-да, нам действительно надо приступить к работе, – закивала Джорджия.

– И я уже заказал кое-какие материалы. Их доставят... в течение нескольких дней. – Николас прошел к высокому окну, из которого открывался вид на рощу, густо заросшую кустарником.

– Дорогой, в чем дело? – спросила Джорджия, весьма озадаченная неожиданно появившимся на лице мужа выражением свирепой решимости.

Он повернулся к ней и со вздохом ответил:

– Некогда здесь был сад... Прекрасный, чудесный сад. Тут были и всевозможные цветы – свои для каждого времени года. Моя мать проводила в том саду много часов, тщательно ухаживая за своими растениями. И даже после ее смерти садовники сохраняли сад точно в таком же виде, в каком он был при ней. Я часто приходил сюда из Рэйвенсволка и сидел в саду, чувствуя себя... ближе к ней. А потом... Впрочем, это не важно. Потом сад тоже умер...

– Дорогой, не печалься, мы с тобой...

– Будь она проклята, – процедил он сквозь зубы. – Будь ты проклята, Жаклин.

– Ах, Николас... – тихо прошептала Джорджия.

Он провел ладонью по гладко выбритому подбородку и проговорил:

– Прости, я не хотел выходить из себя. Я сейчас не могу себе это позволить. Нужно смотреть вперед, в будущее, и восстанавливать то, что можно восстановить. Итак... Будем ужинать?

Николас выдвинул для жены стул, и Джорджия села, чувствуя себя очень странно из-за того, что за ней ухаживали как за истинной леди. Ведь совсем недавно в ней видели всего лишь прислугу... «Как приятно...» – подумала она с улыбкой. И не важно, что дом, где они с мужем ужинали, чуть ли не рушился на глазах, а муж, конечно же, не любил ее и даже почти не знает.

Джорджия, разумеется, не могла не думать о предстоящей ночи, но в данный момент она была решительно настроена наслаждаться едой и беседой. Если бы она постоянно думала о тех неприятностях, что преподносила жизнь, то давно бы уже потеряла аппетит и умерла от голода.

Учитывая общее положение дел, Бинкли удалось приготовить прямо-таки необыкновенно вкусный ужин. Он где-то раздобыл копченую рыбу, а также приготовил ростбиф с вареным картофелем и овощами. Все блюда этого скромного свадебного пира он расставил на столе, затем налил в бокалы вино, после чего откланялся и, пожелав новобрачным приятного аппетита, ретировался на кухню.

– Твой Бинкли просто чудо, Николас. Где ты его нашел? – спросила Джорджия, впечатленная кулинарным талантом пожилого слуги. Матушка научила ее ценить хорошую кухню; да и сама Джорджия неплохо готовила, поэтому понимала: слуга мужа и впрямь чудо.

– Вообще-то это он меня нашел. Как-то раз на безумном индийском базаре я собирался купить отрез ткани для костюма, совершенно не представляя, как это делается. И торговцы устроили вокруг моей персоны настоящий ад. Бинкли же появился словно по волшебству. Он унял торговцев, потом отвел меня к приличному портному, а затем начал опекать меня, буквально водя за руку. Оказалось, его предыдущий хозяин женился, а Бинкли не одобрял его выбора.

– Надеюсь, моя кандидатура будет одобрена, – с улыбкой заметила Джорджия. – Будет ужасно, если по моей вине ты потеряешь Бинкли.

– Тогда обстоятельства были совершенно иные. Как я понял из рассказов Бинкли, «молодая» жена хозяина оказалась старой ведьмой, контролировавшей каждый шаг слуги. Потому Бинкли и оставил прежнюю службу и взял шефство надо мной.

Джорджия снова улыбнулась.

– Понятно. Что ж, я думаю, тебе очень повезло. Сегодня он и меня взял под свое крыло. Я чувствовала себя не в своей тарелке, но тут появился Бинкли, который обращался со мной так, словно я – благородная дама, обвенчавшаяся в соборе Святого Павла.

– Бинкли и для меня делает все возможное. Если я спотыкаюсь, он поддерживает меня и направляет на верный путь.

– Николас Дейвентри, вы не кажетесь человеком, спотыкающимся слишком часто.

– А вот в этом ты ошибаешься. – Николас встал и потянулся к графину с вином.

В столовой пылал камин, и Джорджия с удовольствием рассматривала игру бликов на лице мужа и на каштановых прядях его волос. Когда же он наклонился, чтобы наполнить ее бокал, она непроизвольно отметила игру мускулов, скрытых под модным сюртуком. И еще – его пальцы... Они были необыкновенно длинными и изящными. Такие красивые руки Джорджия видела только у своей матери, необычайно искусно управлявшейся с иголкой и умевшей из остатков вчерашнего ужина создать обеденный шедевр. Часто эти руки обнимали ее и убирали прядку непокорных волос со лба. А вечерами мать рассказывала ей чудесные сказки про дальние страны...

Тут Николас, наполнив ее бокал, снова сел на стул и, внимательно посмотрев на нее, спросил:

– В чем дело, Джорджия? Ты, кажется, думаешь о чем-то своем...

– Нет-нет, прости. Впрочем, я действительно задумалась... К сожалению, у меня есть такая не очень хорошая привычка – грезить наяву. Николас, расскажи мне, пожалуйста, о Рэйвенс Клоузе. Как поместье перешло к тебе?

– До того как построили Рэйвенсволк, это было фамильное поместье. Те развалины Клоуза, которые ты видишь сейчас, были в основном построены в семнадцатом веке, а все остальное достроили потом.

– Я так и думала, – кивнула Джорджия. – Хотя я ничего не смыслю в подобных вещах. Особенно – в делах о наследстве...

– Закон о праве наследования довольно сложен. Понимаешь, эта недвижность, согласно майоратному наследованию, закреплена за Рэйвенсволком и не может быть продана. Мой отец владел этим поместьем всю жизнь, как теперь буду владеть им я. Только обладатель титула может определить условия передачи поместья новому владельцу, и все это записано в наследственных бумагах. Так вот, когда умер мой отец, мне было всего десять лет, и Клоуз немедленно был возвращен в доверительную собственность Рэйвена, – но лишь до той поры, пока мой дядя не решит, что я готов справиться с управлением поместьем.

– Почему же он так долго ждал? Почему поставил тебе условие жениться до твоего тридцатилетия? И как же он допустил... Почему довел поместье до такого состояния?

Николас тяжело вздохнул.

– У нас возникло... расхождение во мнениях, к сожалению – довольно неприятное. Я вспылил и, не думая о последствиях, уехал. В тот момент я искренне верил, что наша договоренность останется в силе и что поместье перейдет ко мне, когда мне исполнится 21 год. Я также полагал, что дядя будет поддерживать дом в надлежащем состоянии. Бог знает, почему он этого не делал. Скорее всего – это происки Жаклин.

– Жаклин?

– Тебе она известна как леди Рэйвен.

– Да-да, я должна была сообразить. Как странно... Мне трудно представить, что и у нее есть имя – для нее это слишком человечно.

– О, она достаточно человечна. Наполовину дьявол, а в остальном – вполне человечна.

– Николас, может быть, сегодня мы не будем говорить о ней? Мне не очень уютно от таких разговоров. Ведь я только что ушла оттуда и...

– Ты совершенно права. Не стоит о ней говорить. Давай сменим тему. Вот только о чем мы будем...

– Поговорим о тебе, Николас, – Джорджия откинулась на спинку стула. – Я хочу узнать побольше о тебе и о Рэйвенс Клоузе.

И он стал рассказывать. Рассказал о самых ранних своих годах в Рэйвенс Клоузе, а также о матери и об отце. И о том, какой счастливой тогда была его жизнь. Рассказал он и о своей собаке и своем пони и еще о лошади, которую ему подарили на восьмой день рождения; Николас очень гордился ею и чувствовал себя взрослым. Закончил он рассказом о первой жене своего дяди Лауре – она была доброй, веселой и отзывчивой, и его мать порой часами с ней разговаривала; при этом обе смеялись от души.

Рассказ Николаса о детстве походил на добрую сказку, и Джорджия, слушая его, представляла жизнь мальчика, наполненную радостью и смехом. Пристально глядя в лицо мужа, она видела, как его губы растягиваются в ласковой улыбке при воспоминаниях о матери; и с такой же любовью он говорил и о своем отце – идеалисте, авантюрные планы которого вызывали постоянные шутки матери. Он рассказал также и о ее любимом саде, о том, каким красивым он был в те чудесные годы...

Отдавшись воспоминаниям, Николас поведал и о том, как своей маленькой лопаткой помогал матери рыхлить цветочные клумбы и с какой радостью потом наблюдал плоды их общего труда. Он подробно описал каменную скульптуру, которую мать привезла из Фран-

ции и установила в своем саду. Скульптура, восхитившая ее, изображала мальчика, который напоминал ей сына, и поэтому ей захотелось, чтобы этот каменный мальчуган поселился у нее в саду. Представив, как этот каменный мальчик наблюдал за медленным умиранием поместья, Джорджия неожиданно почувствовала прилив грусти.

Николас продолжал свой рассказ – такой увлекательный, что ей в какой-то момент вдруг показалось, что они сидят уже не в полутемной комнате, освещенной лишь огнем камина и единственным канделябром, а в том Рэйвенс Клоузе, каким он некогда был, – в живом и сияющем.

– Но все это было более двадцати лет назад, – неожиданно завершил он свой рассказ, сопроводив эти слова кривой усмешкой, тотчас же разрушившей все очарование.

Внезапно вернувшись в суровую действительность, Джорджия невольно вздохнула. Сообразив, что вечер подходит к концу и вот-вот наступит ночь, она потянулась к своему бокалу и сделала большой глоток вина.

– А что привело к таким изменениям? – спросила она, пытаясь отсрочить неизбежное.

– Мои родители умерли. И я отправился в Рэйвенсволк. Когда же я уехал из Рэйвенсволка в Индию, – тогда все это и произошло. Мне очень жаль, что я привез тебя в эти развалины. Действительно жаль.

Джорджия посмотрела на мужа с изумлением.

– Тебе не следует испытывать сожаления. Я точно знала, что меня здесь ждет... или догадывалась. Ведь именно поэтому ты и женился на мне, не забыл?

– Разумеется, не забыл. Тем не менее мне очень неприятно подвергать тебя таким испытаниям.

– Ничего не может быть хуже Рэйвенсволка – уж поверь мне. А теперь у меня наконец-то появилась надежда на лучшее – впервые за долгое время.

– Я чертовски этому рад. Что ж, Джорджия, уже поздно. Я и не заметил, что мы так заговорились. Позволь показать тебе твою комнату.

– Мою комнату?... – с удивлением переспросила Джорджия. – О, Николас, спасибо тебе! Я думала, что... – густо покраснев, она внезапно умолкла.

– Что ты думала? – спросил он, несколько озадаченный ее словами.

– Ну... я думала, ты будешь ожидать... В общем, понимаешь, да? Я даже не предполагала, что ты окажешься таким добрым и чутким... Не могу передать, как я тебе благодарна.

Николас пожал плечами, потом пробормотал:

– Не за что меня благодарить. – Он взял подсвечник. – Сюда, дорогая.

Джорджия пошла за ним, осторожно ступая по его следам, чтобы случайно не наступить на сгнившую половицу. Она испытывала огромное облегчение... и благодарность. Распахнув дверь в спальню, Николас вошел и поставил канделябр на столик, стоявший рядом с камином, в котором весело потрескивали дрова.

– Вот, Джорджия... Одежду ты найдешь в гардеробе. Думаю, Бинкли позаботился и о горячей воде. Спокойной ночи. – Он стремительно вышел из комнаты и тут же закрыл за собой дверь.

Сделав глубокий вдох, Джорджия осмотрелась. Было очевидно, что эту комнату постарались превратить в уютную спальню – с туалетным столиком, гардеробом, ковром на полу, одеялами, подушками... и всем прочим. В общем, это ее жилище оказалось на удивление комфортным. Она никак не ожидала, что в полуразрушенном доме возможна подобная роскошь. Более того, это была самая лучшая спальня из всех, в которых ей когда-либо доводилось ночевать. Даже не верилось в такую улыбку фортуны...

С этой мыслью Джорджия, радостно улыбаясь, разделась и аккуратно повесила одежду в гардероб. Затем надела свою самую теплую ночную рубашку и, едва коснувшись головой подушки, крепко заснула.

А вот Николасу повезло меньше. Когда он вошел в свою спальню. Тут было разбито оконное стекло, но, по крайней мере, хоть потолок не протекал и не пахло сыростью. Бинкли, конечно же, постарался прикрыть окно досками, но от него все равно тянуло холодом. Камин же был растоплен, но дрова дымили, и от дыма щипало глаза.

Николас быстро разделся, забрался в постель и содрогнулся от сырости и холода. Совсем не так хотелось ему провести свою первую брачную ночь. Мужчина не должен проводить свою брачную ночь в одиночестве – тем более, когда за стенкой спит молодая и красивая жена. Но он должен был учитывать тот факт, что Джорджия – вдова, без сомнения, все еще хранившая воспоминания о ласках покойного мужа. Он отлично понимал, что было бы в высшей степени бестактно сразу же вторгаться в ее чувства. Однако в данных обстоятельствах ему было не так-то легко вести себя по-джентльменски. Да и непривычно к тому же...

Со вздохом уставившись в потолок, он начал прикидывать, как скоро Джорджия решит пригласить его в свою постель. Хм... Кто придумал эту проклятую галантность? Ведь он же – самый обычный мужчина из плоти и крови, и эта плоть горела и терзала его, требуя своего. Слишком давно у него не было женщины – уже несколько месяцев, поэтому он с нетерпением предвкушал наступление этой ночи.

Он почувствовал влечение к Джорджии, как только увидел ее, и его кровь словно воспламенилась от того единственного, но потрясающего поцелуя. Воображение рисовало ему необычайно яркие и весьма откровенные картины после того, как он увидел Джорджию в ее комнате в башне в одной ночной рубашке.

Он сделал ее своей женой, не так ли? Последние десять дней Николас поздравлял себя с таким выбором и мечтал о прекрасных ночах, которые у них будут. Но едва ли следовало надеяться на то, что Джорджия сразу же после заключения брака примет его как своего мужа. Может, надо было более ясно показать свои намерения? Да, наверное. Но, увы, он вел себя как настоящий болван.

– О Боже... – Он стиснул зубы и уткнулся лицом в подушку, стараясь не думать о нежных руках, округлой груди и покатых бедрах жены.

Николас очень старался вообще ни о чем не думать, – но не получалось. В конце концов он вскочил с постели, быстро оделся и вышел в темную и холодную ночь.

Глава 4

На следующее утро Джорджия обнаружила мужа в столовой. Он сидел за столом, склонив свою темноволосую голову над раскиданными перед ним бумагами. Прежде чем переступить порог, она несколько секунд пристально смотрела на него. Сейчас рядом с этим мужчиной она чувствовала себя защищенной, и ей следовало благодарить его за это. Да-да, она перед ним в огромном долгу. Николас вырвал ее из невыносимой атмосферы Рэйвенс-волка, дал ей свое имя, крышу над головой – и ничего не потребовал взамен. Джорджия поклялась сделать все, что в ее силах, – только бы он не пожалел о своем великодушии.

Тут он поднял голову и, увидев ее, сказал:

– Доброе утро, Джорджия. Ты хорошо спала?

– Очень хорошо. И боюсь, слишком долго, – ответила она с улыбкой. Никогда еще мне не доводилось отдыхать в столь комфортных условиях, и если бы не заботливость добрейшего Бинкли, который принес мне шоколад, то думаю, я могла бы проспать весь день.

Джорджия не догадывалась о том, что утренний свет, струившийся в окна, подсвечивал ее золотистые волосы, наполняя их необыкновенным сиянием, и подчеркивал стройность ее фигурки, однако она видела, что Николас смотрел на нее слишком уж пристально... и как-то странно...

– Я... я надеюсь, что вы не сердитесь на меня из-за того, что я так долго спала, – пробормотала Джорджия. – На самом деле такое со мной не часто бывает.

– Все в порядке, дорогая. Я думаю, тебе действительно нужно было отоспаться. Вчера у тебя под глазами были темные круги. И мне не важно, во сколько ты поднимаешься. Спи столько, сколько захочешь. А сейчас присядь, пожалуйста, я хочу поговорить с тобой. – Он отодвинул бумаги, освобождая место. – Я вот о чем думаю... Тебе нужна горничная. Бинкли, возможно, чудо, но он же не может помогать тебе одеваться или принимать ванну.

Джорджия с некоторой тревогой посмотрела на мужа.

– Николас, это очень предусмотрительно с твоей стороны, но мне никогда не помогали одеваться или купаться. И за мной никогда не ухаживали – разве что мама, когда я была маленькой.

– Никогда? – переспросил Николас. – Что ж, значит, пора пришла. Более того, как только мне доведется оказаться в Лондоне, я закажу тебе достойный гардероб.

– О нет! В Лондоне все страшно дорого, это будет настоящее расточительство!

– Дорогая моя, я абсолютно убежден, что в состоянии сам решить, как и на что я буду тратить свои деньги. Тебе нужна приличная одежда. Приличная и теплая. И в любом случае...

– Нет, – решительно заявила Джорджия, вскинув руку. Я понимаю, что твоя жена должна выглядеть подобающим образом, но ведь я – портниха. Если это действительно необходимо, ты можешь купить ткани, однако платья я сошью сама. Но я благодарна тебе за эту мысль. С каждым днем я все больше убеждаюсь в том, что ты – очень предусмотрительный человек.

– Ты и в самом деле так думаешь? – спросил Николас. Он, казалось, немного растерялся. – Мне-то всегда думалось, что я совершенно безголовый... Но хорошо, у тебя будет ткань, если именно этого ты хочешь. Тем не менее горничная у тебя тоже будет. Того требуют приличия, и поэтому я не готов выслушивать возражения по этому вопросу.

Джорджии хотелось возразить, поскольку решение мужа показалось ей неразумным, но тут ее осенило, и она с улыбкой сказала:

– Согласна, если ты настаиваешь, Николас. А сейчас... Если ты окажешь мне любезность и одолжишь свой экипаж, я тотчас же отправлюсь нанимать горничную. У меня есть

на примете прекрасная девушка. Она прислуживала в Рэйвенсволке на кухне и при необходимости сможет помогать Бинкли. Таким образом мы сможем одним выстрелом убить двух зайцев – то есть сэкономить.

Николас с минуту молчал, и Джорджия никак не могла понять, к какому решению тот склонялся.

– Хорошо, – произнес он наконец. – Думаю, мы можем считать, что с этой проблемой покончено. И знаешь, Джорджия, теперь я окончательно убедился в том, что получил больше, чем ожидал.

– Ах, не знаю, о чем ты... Я просто пытаюсь угодить тебе, вот и все. Надеюсь, Бинкли не трудно запряхать лошадей. А управлять экипажем я могу сама.

– Нет, это невозможно. Бинкли отвезет тебя.

– Но ведь это пустая трата времени...

– Джорджия! – прорычал Николас. – Ты что, собираешься спорить со мной по любому поводу?

– Нет-нет, дорогой. – Она покачала головой. – Но ты же не думаешь, что Бинкли будет выполнять обязанности кучера каждый раз, когда мне захочется выехать по делам или за покупками. Поверь, я очень неплохо управляюсь с лошадьми, потому что делала это очень часто.

Николас поднялся из-за стола и с некоторым раздражением проговорил:

– Ты не будешь управлять лошадьми, пока рядом есть я или Бинкли. Этих лошадей купили недавно, и им еще необходим тренинг. Верить или нет, Джорджия, но разумные мысли приходят иногда в мою глупую голову.

– Ох, прости... – пробормотала Джорджия. – Я вовсе не собиралась оспаривать твое решение.

– Какое облегчение, дорогая. А теперь прошу меня извинить. Пойду дам указания Бинкли.

Николас резко отодвинул стул и вышел из-за стола. Когда он уже выходил в коридор, Джорджия услышала его бормотание:

– Болван, проклятый болван, – бубнил он себе под нос.

Она негромко рассмеялась. Интересно, почему Николас так проклинал себя? Отправившись за своим плащом, она подумала: «Возможно, он, как и Багги, по утрам всегда в дурном настроении».

– Вы вышли замуж? – спросила Лили; эта хорошенькая девушка с золотым сердцем раскрыла от удивления рот.

– Именно так, Лили. Замуж за племянника лорда Рэйвена. Это долгая история, но если в двух словах... Мы сейчас устроились в Клоуз, и нам отчаянно нужна помощь. Я надеюсь, что смогу уговорить вас поступить к нам в услужение.

– В Клоуз? Но вы же не можете там жить. Дом совершенно разрушен и абсолютно не пригоден для проживания.

Джорджия пожала плечами.

– Да, конечно. И если вы не хотите, то можете не переезжать в Клоуз. Но знайте, Лили, мы полны решимости вернуть дому былую красоту. Пусть понемногу, постепенно, – но он станет таким, каким был раньше – станет обителью радости и счастья. Ты нам поможешь?

Глаза девушки радостно заблестели.

– О, с огромным удовольствием! Благодарю вас... Вы всегда были добры ко мне, и я этого никогда не забуду – буду работать на вас где угодно, даже в разрушенном доме. Должно быть, леди Рэйвен ужасно на вас злится.

– Могу себе представить... Ведь я даже не посоветовалась с ней по поводу своего замужества. – Джорджия улыбнулась. – Я просто упаковала свои вещи – и сбежала из Рэйвенс-волка.

Лили как бы в испуге прикрыла ладонью рот, но в глазах ее искрился смех.

– О боже! Значит, не спросив разрешения? К тому же сбежали к опальному племяннику! Но как?.. Ведь вам не позволялось покидать пределы поместья.

– На самом деле все устроил Николас. Он забрался по стене в мою спальню и сделал мне предложение.

– О... – Лили сделала глубокий вдох. – Как романтично!

– Так как же, Лили? Если ты согласна, я попросила бы тебя начать уже завтра.

– Завтра? Да-да, конечно. Можете на меня рассчитывать. К нам переехала тетя, чтобы приглядывать за малышами, так что они смогут обойтись без меня. Да и заработок очень пригодится. И знаете...

– Да, слушаю тебя, Лили.

Девушка замялась. Ее щеки покраснели, и она пробормотала:

– Спасибо за деньги, которые вы мне прислали. Я была очень тронута, но я не умею писать, поэтому не могла послать записку. И прийти к вам я, разумеется, тоже не могла, но... – девушка еще больше смутилась. – Ах, ваши деньги так помогли нам... Благодаря вашим деньгам я смогла прокормить Фреда, Мэри и малышку Дженни.

– Не стоит благодарить меня, Лили. Итак, до завтра.

Когда Бинкли вез ее домой, Джорджия то и дело улыбалась, испытывая приятное чувство удовлетворения. Но разговор с Лили заставил ее кое о чем задуматься... Впрочем, эти мысли начали беспокоить ее еще раньше, в тот момент, когда Николас завел разговор о горничных и нарядях, которые должна иметь леди. Что ж, ей придется над этим хорошенько подумать.

Бинкли появился на чердаке, когда Николас разглядывал дыру в крыше.

– Намечается долгая и холодная зима, Бинкли, – пробормотал он с тяжелым вздохом, взирая на открывавшийся над ним обширный участок неба.

– Вполне вероятно, сэр, – кивнул слуга.

– Как ваша поездка в город?

– Полагаю, миссис Дейвентри, все удалось. Она наняла мисс Лили Миллер. Лили очень молода, но кажется достаточно разумной. Помимо этого она весьма симпатичная девушка.

Николас улыбнулся.

– Постыдись, Бинкли. Я ведь женатый человек.

– Да, действительно, сэр. При чем женаты счастливо. Но, как вы часто говорили, всегда приятнее смотреть на хорошенькое личико, чем на невзрачное.

– Это верно... – ответил Николас, думая о жене. Ему было бы гораздо легче, если бы Джорджия была невзрачной. Но, к несчастью, сегодня утром она показалась ему еще более привлекательной, чем вчера вечером. При этой мысли он вновь вздохнул.

– У вас приступ меланхолии, сэр?

– Ни в коем случае. Послушай, Бинкли, нам лучше заняться делом. Перво-наперво необходимо заделать самую большую дыру. А лондонские кровельщики приедут не раньше следующей недели.

– У меня есть на примете человек, который сможет помочь нам до их приезда. После того как я привез миссис Дейвентри, я заехал в Поулгейт, сэр, где заглянул в таверну выпить стаканчик.

Николас внимательно посмотрел на своего верного слугу.

– И что же ты услышал в таверне, Бинкли?

– Именно то, о чем вы сейчас подумали, сэр. В таверне только и разговоров, что о вас, сэр.

– Полагаю, эти разговоры не заслуживают того, чтобы их пересказывать.

– Именно так, сэр.

– А Джорджия? Надеюсь, к ней люди более снисходительны.

– Да, сэр. Я бы сказал, что в их разговорах была даже некоторая доля сострадания.

Николас мрачно улыбнулся.

– Могу себе представить... Но если нам повезет, то скоро эти разговоры прекратятся... и в центре внимания окажется какой-нибудь новый скандал. Так что там насчет человека, которого ты нашел?

– Пока я слушал все эти пересуды, ко мне подсел незнакомец, который открыто насмеялся над болтунами. В конце концов мы познакомились, и вскоре выяснилось, что мистер Лайонел Мартин – мастер на все руки. После недолгих переговоров я нанял его на работу. Он не из этой деревни, сэр. Он живет на побережье, в Певенси, поэтому прибудет только завтра. Я также навел справки относительно лошади и довольно скоро нашел лошадь для миссис Дейвентри. Там же, в Поулгейте, продается кобыла по весьма разумной цене.

– Отлично, Бинкли. Можешь купить кобылу. По крайней мере, у лошадей-то будет прочная крыша над головой.

– Да, сэр. Вчера, когда я увидел состояние дома, мне в голову пришла мысль, что вам, возможно, лучше на первое время обосноваться в конюшне.

– Соблазнительно, – но нет. На ночевках в конюшнях и на сеновалах я ставлю точку. Однако раз уж мы заговорили о моем обиталище... Надо срочно застеклить окно в моей спальне. Прошедшей ночью я едва не обморозился. Хвала Господу, который наградил меня крепким здоровьем.

– Конечно, сэр. Хотя такие поздние прогулки, да еще в такую погоду... Я бы все-таки этого не рекомендовал. Иначе вы и в самом деле обморозитесь.

Николас бросил на Бинкли хмурый взгляд, но, по-видимому, пожилой слуга больше не собирался говорить о том, как его хозяин провел ночь.

– А где миссис Дейвентри сейчас? – спросил Николас.

– Боюсь, что она занимается уборкой, сэр. Я не смог убедить ее не делать этого.

– Чем же именно она занимается?

– Окнами в гостиной. Мадам проявила особую настойчивость в этом вопросе.

– Твое чувство пристойности, по-видимому, оскорблено, не так ли, Бинкли?

– Сэр, подобное поведение вашей супруги абсолютно неприемлемо, но я не могу не восхищаться целеустремленностью миссис Дейвентри.

– Я тоже заметил, что моя жена – женщина весьма решительная. Боюсь, ее нежная красота несколько противоречит железной воле. Впрочем, такое сочетание может оказаться очень даже интересным. Что ж, Бинкли, оставим Джорджию заниматься уборкой, а сами займемся крышей. Какой, по-твоему, наилучший подход к ремонту крыши?

И Бинкли тотчас же с важным видом пустился в рассуждения о подробностях процесса.

Джорджия сидела за вечерней трапезой, страдая от нервного возбуждения.

Всю вторую половину дня она старалась быть реалисткой – задача не из легких, ибо Николас оказался чужаком не только в своем, но и в ее мире, то есть был чужим всегда и везде. Кроме того, удивляла его неожиданная сдержанность. И действительно, почему он был так молчалив сегодня вечером? «Наверное, склонен к резким переменам настроения», – решила Джорджия. У Сирила были похожие проблемы, и она подумала, что это у них семейное, как, например, густые брови и пронзительные серые глаза. Заметив, что эти серые глаза вдруг пристально взглянули на нее, Джорджия густо покраснела.

– В чем дело, дорогая? – спросил он. – Может быть, я что-то пролил на рубашку?
– Нет-нет, ничего подобного. Я просто задумалась...
– О чем же ты думала, разглядывая меня столь пристально?
– Я просто пыталась понять, предпочитаешь ли ты молчать за едой – или просто склонен к перепадам настроения? Если я собираюсь стать хорошей женой, я должна уметь определять твое настроение.

Николас отложил вилку.

– Дорогая, о чем ты?..

– Я же сказала. Я хочу быть хорошей женой.

– Черт возьми, это звучит так, словно ты пытаешься получить работу! – воскликнул Николас. – Пойми, ты ее уже получила. И потом... Ведь еще вчера я сказал тебе, что не выношу, когда под меня подстраиваются. Совершенно не представляю, что произойдет, если ты решишься на нечто подобное.

Джорджия нервно смяла салфетку.

– Ты просто не понимаешь... – Она почувствовала, как густой румянец снова заливал ее щеки.

– Допустим, что так. Тогда объясни мне, чего именно я не понимаю?

– Ох, это трудно, но я попробую. Я не знаю, что ты любишь, а что нет. Да и вообще, я очень мало о тебе знаю. Впрочем, как и ты обо мне. Хотя нам обоим, безусловно, следует знать друг о друге гораздо больше.

– Да, в этом есть смысл, – кивнул Николас.

– Конечно, есть. – К этому моменту Джорджии удалось свернуть салфетку в некое подобие конской подковы. – Мне кажется, будет справедливо, если я буду с тобой абсолютно честна.

– Да, разумеется. Я уже говорил тебе, что ценю честность. Так в чем же дело, Джорджия? До того как стать швеей, ты была распутной женщиной? Или, может, у тебя шестеро детей, которых ты теперь намерена подбросить на ступени Клоуза? Что ж, прекрасно, я не возражаю.

– Николас, пожалуйста, перестань меня дразнить.

– Я вовсе не пытаюсь тебя дразнить. Более того, я сейчас абсолютно серьезен. Ведь в конце-то концов... Это ведь я чуть ли не принудил тебя выйти за меня замуж. Так какое же имеет значение твое, возможно, темное прошлое или даже внебрачный ребенок?

– Проблема именно в моем прошлом...

– А нельзя ли поконкретнее?

– Мы с тобой, Николас, – люди из разных миров. Но я поняла это лишь в тот момент, когда ты заговорил о нарядах, которые вряд ли можешь себе позволить, и потребовал нанять горничную, в которой я в общем-то не нуждаюсь. Николас, я родилась в маленькой деревушке и еще совсем недавно была женой простого фермера. У меня нет ни знатного происхождения, которым можно было бы гордиться, ни соответствующего воспитания.

– Джорджия, для меня твое происхождение не имеет никакого значения. Что же касается твоей речи, то поверь мне, не все дамы из высшего общества говорят столь же правильно. А может, у вас в роду был... некий безумный дедушка, а ты – носитель какой-то страшной семейной тайны?

– Я ничего такого не знаю. Ничего не знаю о своих бабушках и дедушках – только о матери. Ну, теперь понимаешь?..

– Нет, не понимаю. Не понимаю, какое все это имеет значение?

– Вы женились на мне, Николас. Вы – племянник лорда Рэйвена – женились на проститутке, женщине без происхождения и без малейшего веса в обществе. Конечно, для меня все это не имеет значения, но в свете пойдут разговоры...

– Джорджия, поверь мне, все, о чем ты говоришь, не имеет никакого значения.

– Для тебя – возможно. Но не для меня. Я сказала тебе, что я чувствовала до того, как приняла твое предложение, но я понимала, что если не выйду за тебя, то ты можешь потерять все, что так дорого тебе... Кроме того, я сама была в почти безвыходном положении – потому и приняла твое предложение.

– Да, приняла. Так в чем же, черт возьми, проблема? Ты ведь не слышала, чтобы я жаловался, не так ли?

– Нет. В том-то и дело... Ты, Николас, – идеальный джентльмен, и мне кажется, что я должна хоть как-то вознаградить тебя за твое доброе ко мне отношение.

– Вознаградить?.. – переспросил он. – Что именно ты имеешь в виду?

– Ну... я, например, не знаю того, что должна знать настоящая леди. Но кое-что я могу делать точно так же, возможно, даже лучше.

– Джорджия, ты...

– Позволь мне закончить, я и так с трудом подбираю слова. Понимаешь, для меня очень важно знать, что я отрабатываю свое содержание.

– Отрабатываешь содержание?! – возмутился Николас и вперился в жену пристальным взглядом. – Вот как ты относишься к нашему браку? Значит, отрабатывать содержание? Черт возьми, Джорджия...

– Прошу тебя, не обижайся, – снова перебила она. – Ведь в женитьбе на даме неблагородного происхождения есть и свои преимущества, верно?

Николас тяжело вздохнул и пробормотал:

– Что ж, понятно...

– И вот еще что... – продолжала Джорджия. – Понимаешь, если бы ты был богатым человеком или даже просто состоятельным, а Рэйвенс Клоуз не пришел бы в такое ужасное состояние, я бы ни на минуту не стала задумываться над твоим предложением. Но в таком случае тебе бы и не пришлось делать мне предложение. И знаешь, я даже рада, что у тебя нет состояния. В такой ситуации мне как-то свободнее...

– Но я...

– Николас, пожалуйста, перестань перебивать меня. Я привыкла жить в бедности, так что ты не должен переживать из-за этого. Я ведь многое умею... Умею не только шить, но и готовить, рисовать, убирать, в общем... я могу делать почти все.

Николас посмотрел на жену с некоторым удивлением.

– Так ты... Ты говоришь, что хочешь работать?

– Да. Сегодня Бинкли, похоже, был недоволен, когда застал меня за мытьем окон. Но я занималась этим с огромным удовольствием. Согласись, было бы неразумно не использовать пару умелых рук, когда в доме так много дел. Боюсь, что я еще очень не скоро научусь пользоваться услугами горничной или разбираться с огромным гардеробом – даже если ты позволишь себе такую роскошь. Не сочти меня неблагодарной, Николас, но я считаю, что не стоит пытаться сшить шелковый кошелек из уха свиньи.

– Ох, Джорджия... – вновь начал Николас, и в его голосе звучал смех.

– Нет, я еще не закончила. Так вот, надеюсь, ты пока что не разочаровался в том, что женился не на леди, и я постараюсь сделать все возможное, чтобы ты и в дальнейшем во мне не разочаровывался. Кроме того, клянусь, что не стану возражать, когда ты захочешь провести время так, как обычно проводят время джентльмены. Я вполне буду удовлетворена тем, что останусь здесь, чтобы заниматься обустройством дома.

Сейчас Николас выглядел так, словно вот-вот собирался чихнуть, и Джорджия, быстро присев, подняла с пола упавшую салфетку и подала мужу. Он взял салфетку и посмотрел на нее. Потом вопросительно взглянул на жену.

– Надеюсь, ты не простудился, – сказала она, изучая его лицо в поисках каких-либо признаков простуды. Его глаза, казалось, немного слезились. – Может быть, тебе стоит выпить немного пунша перед сном? Тут довольно сыро, а тебе сейчас никак нельзя болеть. Верь мне, я неплохо разбираюсь в лекарственных средствах – научилась этому у своей матери.

– Правда?.. Что ж, наверняка ты обладаешь и множеством других достоинств. Но уверяю, у меня великолепное здоровье. А это... всего лишь небольшой жар. – Тут Николас прикрыл рот салфеткой и закашлялся.

– О боже! – Джорджия приподнялась и тыльной стороной ладони коснулась щеки мужа. Он тут же накрыл ее руку своей, и ее щеки залились румянцем.

– У тебя действительно небольшой жар, – сказала Джорджия, убирая руку.

– Да, знаю. Но эту хворь легко излечит ночь в теплой постели.

– Ты совершенно прав. Крепкий сон – и я уверена, утром ты будешь таким же свежим, как утренний дождик. Я попрошу Бинкли положить под твоё одеяло грелки.

– Нет-нет, не делай этого, Джорджия, прошу тебя. Если Бинкли решит, что ты подозреваешь его в небрежности, он страшно обидится.

– Ох, об этом я не подумала. Видишь, как многому из того, что принято в высшем обществе, мне еще предстоит научиться.

– Гм... Полагаю, в высшем обществе делают то же самое, что и в остальном мире.

– Вовсе нет. Именно об этом я и говорю. И я не хочу, чтобы ты пожалел о своем выборе, Николас. Но боюсь, такое может случиться, когда ты начнешь узнавать меня получше. Мне кажется, что через некоторое время, столкнувшись с моей необразованностью, ты можешь изменить отношение ко мне. Мне никогда не стать такой... важной, как леди Рэйвен.

– И слава богу! – с улыбкой воскликнул Николас. Но тут же, снова став серьезным, бросил салфетку на стол и поднялся на ноги.

– Ну что, закончила?

– Да, закончила, – кивнула Джорджия.

– Вот и хорошо. Ты неплохо умеешь произносить речи, но теперь я хочу, чтобы ты выслушала меня. Твоя правда, ты действительно меня совсем не знаешь. А если бы знала, то понимала бы, что меня не интересуют такие вещи, как безупречная родословная. Я также не терплю манерности и жеманства. И позволь сказать тебе кое-что о леди Рэйвен. До того как она вышла замуж за моего дядю, ее не принимали в свете. Она с ловкостью карточного шулера пробралась в Рэйвенсволк и с того времени старательно играет роль графини. Даже не допускай мысли о том, что она чем-то лучше тебя, Джорджия. Эта женщина – порочная хитрая ведьма. Она никого не пожалеет, лишь бы получить желаемое. Ты в десять раз больше леди, чем она.

Джорджия грустно улыбнулась.

– Хотелось бы мне, чтобы это было правдой. Конечно же, ты лукавишь, но все равно спасибо тебе за эти слова. Раньше я часто мечтала о том, что когда-нибудь стану благородной дамой. И чем тяжелее становилась ситуация, тем более фантастическую историю я сочиняла. Ты бы очень посмеялся, если бы я рассказала тебе некоторые из них.

– Наверное, они похожи на историю Рапунцель, – со смехом сказал Николас.

– Ну... не совсем так, – ответила Джорджия, краснея.

– Дорогая, ты, похоже, еще и фантазерка, верно?

– Да, верно. Только проблема в том, что все равно приходится сталкиваться с реальностью, а это возвращает меня к тому же самому вопросу... Мы должны быть практичными, Николас. Должны сделать все, что мы можем в данных обстоятельствах.

Он промолчал и, отвернувшись, посмотрел в темное окно. В камине потрескивали дрова и плясали языки пламени, сгущавшие тени за его широкими плечами.

– Это как с этим домом, – продолжала Джорджия, любуясь ладной фигурой мужа. – Прошлым вечером, когда ты рассказывал мне о прежних днях, перед моими глазами словно по волшебству возникали картины той счастливой жизни – комнаты были чистыми и нарядными, дамы и джентльмены собирались на званые вечера... и повсюду слышался веселый смех. Но потом пришла пора возвращаться в действительность – и вот что оказалось передо мной. – Она обвела взглядом комнату и вздохнула.

– Да, верно, – отозвался Николас, продолжая вглядываться в темноту. – Совершенно верно. И какие же чувства эта картина пробудила у тебя, Джорджия?

– Надежду, – ответила она. – Впервые у меня появилась надежда сделать реальную жизнь... немножко волшебной, понимаешь? Ты когда-нибудь просыпался после живого яркого сна, думая, что все то, что ты видел, – настоящее и что все это пришло в твою жизнь?

– Такое со мной случалось, – ответил Николас.

– Тогда ты понимаешь, что я имею в виду. Я часто сидела около этого дома и, глядя на него, представляла, каким он был раньше, в то время, когда в нем кипела жизнь. Я сочиняла истории о нем и даже придумала семью для него. Но та история, которую ты рассказал мне вчера вечером, была даже интереснее, чем моя, потому что она была подлинной. Однако и в ней присутствовало волшебство. А теперь, Николас, у нас появился шанс сделать так, чтобы все это вернулось к жизни...

Джорджия внезапно умолкла, устыдившись своей откровенности. Она никогда и никому об этом не рассказывала.

– Ох, теперь я чувствую себя... Мне очень неловко. Видишь, какая я фантазерка? Обещаю, что буду держать в узде эту мою глупую склонность.

Николас наконец-то обернулся.

– Я предпочитаю, чтобы ты этого не делала, – произнес он с улыбкой. – Нашему дому и впрямь потребуется изрядная доля волшебства – только тогда удастся вернуть ему прежний вид. Что ж, пойдем. Пора подниматься наверх. Огонь в камине угасает, и скоро здесь станет холодно.

– Ты иди, Николас, а я тут приберу, – ответила Джорджия.

Муж шагнул к ней и, снова улыбнувшись, обнял за плечи.

– Дорогая, ты должна меня слушаться. Ты можешь работать, если это доставляет тебе удовольствие, но тебе не следует вторгаться на территорию Бинкли. Он ни тебя, ни меня не поблагодарит за это. Это урок номер один, а теперь – урок номер два. Ты будешь уважать мнения своего мужа – в разумных пределах, разумеется. Пойдем же...

По-прежнему обнимая Джорджию за плечи, Николас взял канделябр и вывел ее из столовой. У двери ее спальни он вновь оставил жену, тихо и вежливо пожелав спокойной ночи.

Этой ночью Джорджия лежала без сна, думая о человеке, за которого так скоропалительно вышла замуж, – о человеке, совершенно не походившем на всех тех, кого она знала прежде.

Услышав крик, Николас сначала не мог понять, откуда он донесся, потом осознал, что это – его собственный крик. Вода была у него над головой, и что-то увлекало его все глубже и глубже – вскоре вода уже затекала ему в нос и в рот, и он задыхался...

– Нет! О боже, пожалуйста!.. – вновь закричал он. – Нет, нет, нет!..

Он не мог дышать, не мог дышать...

А потом над ним склонилась какая-то белая фигура, и Николас решил, что уже умер. «Это ангел, – подумал он, разглядев золотистые волосы. Ведь у ангелов именно такие волосы, не так ли? Но если это рай, – то почему же в нем так холодно и неуютно?»

И тут вдруг послышался голос:

– Николас, тебе приснился кошмар. Проснись, пожалуйста, проснись. – В следующее мгновение какая-то рука – явно не ангельская – ухватила его за плечо и крепко сжала.

Николас шумно выдохнул и помотал головой; он еще не понимал, где находился, но был совершенно уверен, что жив и вокруг нет воды, – если, конечно, не принимать во внимание пот, лившийся с него ручьями. Он содрогнулся, на мгновение закрыв лицо ладонями, потом судорожно втянул в легкие прохладный воздух. Все было в порядке. Да, с ним все в порядке. Ему вновь удалось не утонуть.

Снова откинувшись на подушку, Николас пробормотал:

– Черт побери... Проклятье... – Теперь он окончательно пришел в себя.

А над ним склонился вовсе не ангел. Это была его жена, и ему стало неприятно, что она видела его в таком состоянии. Николас вздохнул и поспешно сел в постели.

– Дорогой, у тебя жар? – с беспокойством спросила Джорджия, проводя пальцами по его лицу.

– Жар? Какой жар? – спросил Николас с удивлением. Но тут же, вспомнив разговор за ужином, пробормотал: – Да, жар, именно так. Но похоже, он уже спал, – поспешно добавил он, словно оправдываясь. – Да-да, уже спал... Теперь мне лучше, гораздо лучше. – Он снова вздохнул и утер лоб дрожащей рукой.

– Но тебя трясет, Николас. По крайней мере, позволь мне принести тебе одно из моих одеял. Здесь ужасно холодно. – Джорджия осмотрелась, почувствовав холодные сквозняки, гулявшие по спальне мужа, она невольно содрогнулась.

– Нет-нет, мне совсем не холодно. Мне не нужно еще одно одеяло.

– Это же глупо, Николас...

Он кивнул.

– Да, возможно. Я, кажется, уже говорил тебе, что я болван. – Заметив, как ночная рубашка обтягивала груди жены, он со вздохом отвернулся.

– Тогда почему бы тебе не перебраться в мою комнату на остаток ночи? У меня гораздо теплее.

– В твою комнату?

– Да. А я буду спать здесь.

– Это очень великодушно с твоей стороны, Джорджия, но здесь достаточно тепло. Я чувствую себя уже гораздо лучше. Но сейчас мне необходимо отдохнуть. Спокойной ночи, дорогая. – Он повернулся на бок, изображая крайнюю усталость.

– Что ж, если ты уверен...

– Совершенно уверен. – Николас зевнул. – Жар спал, и теперь я буду спать спокойно. Я очень ценю твою заботу, но нет никаких причин для беспокойства.

– Вот и хорошо. В таком случае... Спокойной ночи, Николас.

– Гм... – Он заставил себя дышать легко и ровно. Когда же дверь за женой закрылась, тихо прошептал: – Прекрасный спектакль. Похоже, я обречен на актерский успех.

Николас со стоном перекатился на спину. У него был просто кошмарный день. Крыша почти обрушилась – не говоря уже о состоянии всего дома. Деревня гудела грязными слухами. А закончилось все ночным кошмаром. Что же касается жены... По-видимому, она не имела ни малейшего намерения подпускать его к себе – ни сейчас, ни когда-либо в будущем. Что ж, возможно, с этим-то ему удастся справиться... Если Джорджия не собиралась приглашать его в свою постель – он найдет другой способ добиться своего. Иначе он никогда не обзаведется детьми.

Остаток ночи Николас провел, размышляя над сложившейся ситуацией. Конечно, он всегда был хорошим стратегом, но сейчас... Чтобы овладеть такой крепостью, как Джорджия, потребуется не только находчивость, но и дерзость.

Глава 5

– Вот что, Бинкли... – обратился он к слуге, входя на кухню рано утром. – Планы немного меняются.

– Меняются, сэр? – переспросил Бинкли, вытирая блюдо. – И что же это за изменение?

– Все дело в Джорджии... У нее создалось впечатление, что я бедняк, денег у которого хватает лишь на кусок хлеба.

Бинкли на минуту задумался, потом спросил:

– А вы не собираетесь вывести миссис Дейвентри из этого странного заблуждения?

– Нет, пока не планирую. Я думал об этом большую часть ночи. Предстоит долгая трудная работа, в которой... мое безденежье может очень помочь.

– Прошу прощения, сэр, но эта долгая трудная работа, о которой вы упоминаете, – это ведь не восстановление вашего дома?

– Нет, другое... – Николас отрезал себе кусок хлеба. – Вообще-то я имел в виду мою жену.

– Ага, понимаю... – кивнул Бинкли.

– Бинкли, что именно ты понимаешь? – Николас нахмурился.

– Сэр, мне кажется, вам нужно начать с самого начала, то есть с простого ухода.

– Ты, как всегда, прав. Боюсь, что «счастливая дымка», на которую мы рассчитывали, пока не окутала Джорджию.

– Мне очень жаль, сэр. Я знаю, как сильно вы желаете завести настоящую семью.

– Да, это верно. Но придется потрудиться. Понимаешь, Бинкли, мне кажется, что Джорджия все еще любит своего покойного мужа.

– Да, это может представлять серьезную проблему, – согласился слуга.

– Более того, выяснилось, что ее покойный муж был фермером.

– Ясно, – кивнул Бинкли. Поставив перед хозяином шербатую чашку с чаем, он спросил: – И поэтому вы тоже станете фермером?

– Разумеется, не фермером, нет. Но и процветающим коммерсантом я также не могу быть. По какой-то непонятной причине Джорджия решила, что мужчина, пребывающий в стесненных обстоятельствах, – более привлекателен, нежели процветающий. Что ж, она получит именно такого мужчину. В общем, я буду бороться. – Николас взглянул на ломоть хлеба, который держал в руке. – У нас есть мед, Бинкли?

– Конечно, сэр. – Стараясь не оторвать дверцу, державшуюся на последней петле, слуга достал из буфета банку с медом. – Но ведь мы не привыкли бороться, верно?

– Значит, попытаемся. И этот опыт пойдет нам на пользу. В любом случае я намерен принять самое непосредственное участие в перестройке дома. Однако на ремонт уйдет теперь больше времени, чем я рассчитывал. Я уже написал в Лондон и отказался от услуг строителей.

Бинкли обвел красноречивым взглядом обветшавшую кухню.

– Очень хорошо, сэр. А мы всегда будем бороться?

– О господи, конечно, нет! Я сделаю состояние на бирже. Или мне вдруг подвернется чрезвычайно выгодная партия какого-нибудь товара. Пока еще не решил. Но на чем бы я ни остановился, наше комфортное существование придется отложить, пока уход не завершится.

– Очень надеюсь, что вы не потеряли присущую вам обходительность, сэр.

– Потребуется нечто большее, чем обычная обходительность, Бинкли. Джорджия не совсем... заурядная женщина. И, кстати, если тебя спросят о состоянии моего здоровья, – то оно значительно улучшилось.

Бинкли вопросительно взглянул на хозяина.

– У вас вместе с неожиданной бедностью резко пошатнулось здоровье, сэр?

Николас рассмеялся.

– Нет-нет, но прошедшей ночью мне опять приснился этот проклятый кошмар, и Джорджия прибежала ко мне в комнату. К счастью, она решила, что у меня жар, в который меня и в самом деле бросило в тот момент, когда она меня осматривала. Похоже, ухаживание станет для меня настоящим адом.

– Вполне возможно, – ответил Бинкли с невозмутимым видом. – Думаю, вам придется мобилизовать всю силу духа.

– К сожалению, моя сила духа слегка обветшала. Да, Бинкли, есть кое-что... И будь я проклят, если знаю, как с этим справиться... Черт возьми, я ведь никогда не был женат на вдове фермера!

– Вы о чем, сэр?

– Джорджия считает себя простолюдинкой и поэтому решила, что может компенсировать отсутствие благородного происхождения полноценным участием в перестройке дома. Не думаю, что будет разумно отговаривать ее от этого. Очень надеюсь, Бинкли, что ты сумеешь подстроиться под этот новый порядок.

– Что ж, если ухаживание требует понижения нашего статуса... Хм... полагаю, что сумею с этим справиться, сэр, – проворчал Бинкли. – Я могу справиться с чем угодно.

– Разумеется, можешь, – кивнул Николас. – И не нужно считать это понижением статуса. Считай все происходящее... просто смягчением правил этикета.

– Смягчение правил этикета – не проблема, сэр. Однако я абсолютно убежден, сэр, что мы должны в интересах миссис Дейвентри – деликатно, конечно, ознакомить ее с весьма запутанными правилами поведения, принятыми среди дворянства. Ведь как только мы перестанем бороться...

– Как тебе угодно, Бинкли, – ответил Николас, стараясь удержаться от смеха. – Можешь инструктировать мою жену. Но только при условии, что будешь делать это тактично. Я не хочу, чтобы у нее возникло ощущение... своего несоответствия.

– Я всегда тактичен, сэр.

– Разумеется, Бинкли, разумеется. А теперь вперед – и наверх. Думаю, Мартин уже приехал. Наверное, стоит выйти и встретить его. Похоже, что с изменением планов нам придется полагаться на его помощь гораздо больше, чем мы изначально рассчитывали. Очень сомневаюсь, что обитатели деревни выстроятся в очередь, чтобы наняться к нам на работу.

Николас быстро допил чай, сунул в рот последний кусочек хлеба, обильно сдобренный медом, накинул теплый плащ и вышел из дома, чтобы встретить своего нового работника.

– Игра в бедность обещает быть интересной, – пробормотал он себе под нос.

Рождественское утро выдалось ясным и солнечным. Джорджия, проснувшись в тот момент, когда Лили вошла в ее комнату, тотчас же приподнялась, села в постели и сладко потянулась. Когда Лили поставила перед ней поднос с завтраком, она улыбнулась и, услышав стук молотка, спросила:

– Николас снова на крыше?

– Да, миссис. Но он не работал, пока я не пошла к вам. Не хотел вас будить.

– В самом деле? Мистер Дейвентри очень внимателен. Но мне бы очень хотелось, чтобы он устроил перерыв. Ведь сегодня – рождественское утро.

– Рождество или нет, госпожа, а снег и дождь все равно могут пойти. Хозяин велел напомнить вам, что служба в церкви начнется в одиннадцать.

Джорджия вздохнула.

– Да, знаю. Никогда в жизни я не пропускала рождественскую службу, но в этот раз с удовольствием бы ее пропустила.

– Не беспокойтесь, госпожа. Может, по деревне и ходят разные слухи, но лучше столкнуться со сплетниками лицом к лицу и держать голову высоко поднятой. Вам нечего стыдиться.

– Я-то знаю, Лили, но люди в деревне этого не знают.

– Дело еще и в том, что у нас здесь уже много лет не происходило ничего интересного, – продолжала девушка. – Когда-то судачили о ссоре между его светлостью и мистером Дейвентри, и вот теперь, когда мистер Дейвентри вернулся, вся деревня говорит об этом. Когда же стало известно, что леди Рэйвен и мистер Дейвентри окончательно рассорились, а его светлость после удара даже встать с постели не в состоянии... Ну, можете себе представить. Масла в огонь добавила и скоропалительная женитьба мистера Дейвентри, а также ваше неожиданное решение поселиться в полуразрушенном поместье.

– В том-то и проблема, Лили. Я даже представить не могу, что сейчас говорят обо мне в деревне. Я полночи размышляла над этим... Ты же понимаешь, что я не могу спросить об этом Николаса. Может, расскажешь мне, что на самом деле о нас говорят?

Лили залилась краской.

– Не думаю, что вам следовало бы это знать, миссис.

– Лучше быть подготовленной, – возразила Джорджия. – Ведь сегодня мне предстоит увидаться почти со всеми.

– Ну... они вообще-то ничего против вас не имеют. Все понимают, почему вам хотелось покинуть Рэйвенсволк и леди Рэйвен. И все в деревне знают, как вы были добры ко мне в пору моих несчастий. В основном говорят о мистере Дейвентри.

– И что же о нем говорят?

– Видите ли, люди в деревне считают, что на мистере Дейвентри тоже лежит проклятье – ведь многие помнят, как умерли брат графа и его жена, а потом – и первая леди Рэйвен. Теперь же и сам граф после удара лишился речи. И еще всюду судачат о леди Рэйвен, которая нисколько не заботится о людях, хотя до нее все было по-другому. Новая леди приносит деревне одни только несчастья. А посмотреть на молодого лорда... Он не только довольно странный, но и не может нормально говорить. Да он и не стал бы разговаривать с такими, как мы. Говорят, что дьявол забрал не только его язык, но и сердце, потому что юноша и снаружи, и внутри холодный как лед. Меня пробивает дрожь от одного только взгляда на него – словно на мертвеца смотришь.

– Возможно, так и есть, Лили. Хотя полагаю, что это у него от чего-то другого. Впрочем, не важно... Что еще говорят о Николасе?

– Ох, госпожа, не могу вам сказать. Потому что это не для моих ушей, как говорит моя тетя. Но ходят слухи о прошлом господина, о причинах его внезапного отъезда и о том, почему в семье было запрещено произносить его имя. Поговаривают также, что он – худший из всего семейства, поэтому люди в деревне беспокоятся за вас, миссис. Многие считают, что мистер Дейвентри женился на вас только для того, чтобы досадить леди Рэйвен. Но я в это нисколько не верю. По-моему, мистер Дейвентри – настоящий джентльмен.

– Я тоже не верю этим разговорам. Поверь, Лили, все это обычные сплетни и домыслы. Так что не станем обращать на них внимания. Николас – очень добрый, и мне кажется, это ужасно, что люди говорят о нем такие гадости. А ты не хочешь пойти со мной в церковь?

– Нет, госпожа. Я ведь ходила на всенощную. После службы мы устроили рождественский ужин, на который собрались очень многие, и всем хотелось узнать, как дела в Клоузе. Я сказала им, что у вас все прекрасно и что вы счастливы, как две горошины в стручке.

Джорджия улыбнулась.

– Спасибо, Лили.

– Еще я сказала, как вы и мистер Бинкли очень добры ко мне, а все эти слухи и сплетни – просто глупости. Надеюсь, люди очень скоро сами все поймут.

– Я тоже надеюсь.

– Вы уж не переживайте, госпожа. Подарок для хозяина я надежно спрятала в конюшне. На сегодня я приготовила ваше любимое платье, а горячая вода будет готова с минуты на минуту. Да, кстати... Хозяин приготовил вам подарок.

– Подарок? Какой подарок?

– Ванна, миссис. Она такая блестящая! И такая же большая, как у леди Рэйвен. Мистер Бинкли уже греет для нее воду.

– Настоящая ванна! – радостно воскликнула Джорджия. – Ох, это и в самом деле роскошь! Спасибо, Лили!

Девушка рассмеялась и сказала:

– Вам нужно не меня благодарить, а своего мужа. Завтракайте, миссис Дейвентри, а я пойду пригляжу за водой.

Двадцать минут спустя Джорджия сидела в горячей ванне, наслаждаясь ощущением расслабленности и покоя. Она помыла голову ароматным мылом, купленным еще в Лондоне, до заточения в Рэйвенсволке.

Покупка этого мыла была ее единственным капризом, и она тщательно хранила его, время от времени доставая, чтобы вдаль от посторонних глаз вдохнуть пьянящий аромат роз.

Мыльная пена ласкала кожу, и Джорджия скользнула поглубже в воду. Закрыв глаза, она попыталась вспомнить, когда в последний раз чувствовала себя так же хорошо, – но ей так и не удалось вспомнить ничего подобного.

В конце концов Джорджия заставила себя выбраться из уже остывавшей ванны. Какое-то время она сушила волосы перед камином, потом быстро оделась и осмотрела себя в треснувшем зеркале. Выглядела она очень даже неплохо – исчезли круги под глазами, а кожа заметно порозовела. Ей вдруг пришло в голову, что это ее рождественское утро – самое радостное за долгие годы. Внезапно она услышала плеск воды, доносившийся из-за смежной двери, и поняла, что Николас последовал ее примеру.

Минут через двадцать Джорджия взяла свою шляпку и с легким сердцем спустилась вниз, осторожно ступая по прогнившим половицам.

– Доброе утро, Джорджия, – сказал Николас, входя в гостиную. Он выглядел великолепно в светло-серых брюках и в черном сюртуке.

– О, Николас!.. – Джорджия улыбнулась. – Огромное спасибо за ванну! Спасибо от всего сердца! Я уверена, что она стоит огромных денег, но, как ни странно, меня это совершенно не беспокоит.

– Ну и слава богу... Признаюсь, я был готов к тому, что меня отчитают за эту покупку. Счастливого Рождества, Джорджия!

– Счастливого Рождества, Николас. Какой сегодня прекрасный день!

– День действительно прекрасный. И ты выглядишь великолепно – чистейшей воды леди!

– Ах, я в этом не разбираюсь. Но я, конечно же, очень чистая...

Муж рассмеялся и спросил:

– Так ты готова встретиться лицом к лицу с деревней?

– Я себя так замечательно чувствую, что готова встретиться с чем угодно и с кем угодно.

– Вот и хорошо, дорогая. Но помни: обитатели деревни – это наименьшее из зол. Возможно, нам придется столкнуться не только с ними. Идем?

Николас торжественно предложил ей руку, и Джорджия с неожиданным для себя удовольствием приняла ее. После чего супруги направились к экипажу и ожидающему их Бинкли.

Когда они вошли в церковь, Джорджии показалось, что все присутствовавшие принялись с любопытством их разглядывать, и ей стоило огромного труда не отводить глаз. Нико-лас же уверенно вел ее по проходу, и спустя минуту они подошли к передней скамье и сели. Джорджия с облегчением вздохнула.

Но на этом испытания не закончились. Неожиданно по церкви прокатился гул голосов, а затем послышалось явственное шуршанье ткани. Почувствовав, что ее супруг вздрогнул, Джорджия оглянулась – и ее сердце бешено заколотилось, а во рту стало сухо.

Мимо них прошествовала леди Рэйвен, рядом с которой шагал Сирил. Никто из них не повернул головы, но было ясно, что они видели молодых супругов и намеренно игнорировали их. Джорджия подозревала, что леди Рэйвен имела самое непосредственное отношение к тому, что Сирил не ответил на недавнюю записку Николаса, но она даже представить не могла, что юноша прилюдно проигнорирует своего кузена. И это очень задело Николаса. Его лицо словно окаменело и не выражало никаких эмоций, но Джорджия чувствовала: он ужасно расстроился. Накрыв ладонью его руку, она слегка сжала ее, словно пытаясь объединить их силы.

В этот момент несколько человек – судя по всему, то были гости Рэйвенсволка – заполнили проход, а потом сели на скамью Рэйвен; и их косые взгляды в сторону супругов весьма красноречиво свидетельствовали о злобных пересудах, которые, должно быть, велись в этой компании.

Джорджия снова посмотрела на мужа. Его глаза были прикованы к алтарю, и казалось, что он не замечал потока ненависти, извергавшегося в их сторону. Последовав его примеру, Джорджия принялась разглядывать резьбу алтаря, то и дело напоминая себе, зачем они пришли в церковь. Ведь сегодня – Рождество!.. Николас сказал ей, что раньше посещал на Рождество эту церковь в течение двадцати лет, – и вот теперь, спустя десять лет, он вернулся. Николас крестился в этой церкви; а всего лишь три недели назад здесь венчался. Он принадлежал этой церкви душой и телом – точно так же, как каждый из жителей деревни, точно так же, как Сирил, и гораздо больше, чем Жаклин (по мнению Джорджии, эта женщина вообще не имела отношения к здешней церкви).

Внезапно она почувствовала, как пальцы Николаса коснулись ее локтя, и поняла, что надо встать для исполнения церковного гимна.

Когда они уже ехали домой, Джорджия, пытаясь отвлечь мужа от неприятных мыслей, проговорила:

– Мне очень нравится викарий. Он славный человек, не правда ли?

– Да. К тому же – очень умный, слава богу. Но он вынужден принимать обе стороны и не позволяет себе вмешиваться.

– И ведь он приветствует всех без малейшего намека на порицание... – продолжала Джорджия.

– В отношении нас с тобой ты абсолютно права.

– Но он же, наверное, знает обо всех этих сплетнях...

Николас рассмеялся.

– Сплетни? Этот человек является викарием уже добрых лет сорок. Уверяю тебя, он слышал сплетни и похуже. А мы не сделали ничего предосудительного – просто бросили вызов Жаклин, не пожелав считаться с ее интересами. Но это его совершенно не интересует. Карьера нашего викария вряд ли зависит от Жаклин, ведь он в любом случае никогда не станет архиепископом Кентерберийским. Да мне кажется, он этого и не хочет.

– Николас...

– Да, слушаю.

– Ты ведь расстроен, верно?

Муж посмотрел на нее с удивлением.

– Расстроен?..

– Да, конечно. И я понимаю, почему. Тебе наверняка было очень неприятно там, в церкви... Но давай вспомним, что сегодня – Рождество. Давай хотя бы на день забудем о Рэйвенсволке, Жаклин, Сириле и деревенских сплетнях. Я понимаю, что прошу очень много... – Джорджия вздохнула и умолкла; ей не хотелось признавать, что и она была оскорблена таким отношением к ним, хотя в прошлой жизни ей не раз приходилось сталкиваться с тем, что ее игнорируют.

Николас тоже вздохнул.

– Да, ты права. Ты абсолютно права, дорогая. Давай забудем об остальном мире и отпразднуем Рождество.

– У нас есть фазан, – сказала Джорджия с улыбкой. – Кроме того – морковный суп, пудинг и кое-что вкусное. И еще у меня есть для тебя подарок.

– Но Джорджия, ты уже подарила мне на день рождения отличный теплый шарф. Нет необходимости беспокоиться о других подарках.

– Это доставляет мне удовольствие, Николас. Ты же дал мне так много...

– Что именно? – спросил он довольно резко. – Что я дал тебе? Дом, в котором ты работаешь не покладая рук? Новый танец, который ты разучила, обходя прогнившие половицы? Что я действительно дал тебе, Джорджия? Что ты позволила дать тебе?

Она надолго задумалась – для нее было очень важно выразить свои мысли правильно.

– Прежде всего ты подарил мне свою доброту, – проговорила наконец Джорджия. – И еще – беседы с тобой и твои улыбки. К тому же, у тебя ангельское терпение. Ты не придираешься к недостаткам в моем воспитании и не упрекаешь меня в невежестве. Ты предоставил мне свой дом и позволяешь мне участвовать в его восстановлении. Но важнее всего то, что ты с уважением отнесся к моей личной жизни.

Николас нахмурился и отвернулся к окну. Озадаченная такой реакцией мужа, Джорджия хотела спросить его, почему он снова расстроился, но в этот момент экипаж подъехал к дому, и стало ясно, что разговор окончен.

Когда они уселись за праздничный стол, настроение у Николаса, казалось, улучшилось. Они вели приятную беседу, не затрагивая тем более важных, чем, например, продвижение ремонтных работ на крыше и планируемые изменения на кухне. Но от Джорджии не ускользнуло некоторое беспокойство мужа. Увы, она не знала, чем оно было вызвано, но подозревала, что Николаса беспокоили воспоминания, связанные с Рождеством, Рэйвенсволком и его семьей, – а говорить об этом ей сейчас и не хотелось, поэтому она весело болтала, пытаясь хоть как-то развлечь мужа.

– Пойдем, – сказала она, когда они покончили с пудингом. – Позволь мне вручить тебе подарок. После такой трапезы тебе захочется прогуляться, а значит, мой подарок тебе пригодится.

– И у меня для тебя кое-что есть, – сказал Николас. – Одну минуту...

Он взял с подоконника большой плоский сверток и с улыбкой положил его перед Джорджией.

– Дорогая, вот то, что я тебе обещал. Вчера доставили из Лондона.

– Ах, Николас!.. Не было необходимости покупать мне что-то еще, но я в восторге, что ты это сделал. Я уже несколько лет не получала подарков, – а тут сразу два в один день! Да еще и лошадь!

Дрожащими от возбуждения пальцами Джорджия развязала бечевку, сняла бумагу – и восторженно ахнула, увидев рулоны тканей – роскошную шерсть, нежнейший муслин самых разных расцветок, лен и даже отрез бархата прелестного темно-синего цвета.

– О Николас... Я даже не знаю, что сказать... – пробормотала она, не в силах отвести глаз от чудесного подарка.

– Скажи, что ты довольна, и этого будет достаточно. Я надеюсь, что сделал хороший выбор. Там внизу цветные рисунки модных образцов одежды, которые порекомендовал мне лондонский портной. Тебе это подойдет?

– Подойдет ли? Ах, Николас, это просто замечательно. Но ужасно дорого! Такие ткани с удовольствием приобрела бы даже леди Рэйвен.

– Да, определенно. А теперь иди и оденься для прогулки.

Джорджия вскочила из-за стола, прижимая к груди сверток. Она бросилась к двери, но у порога, внезапно остановившись, с улыбкой обернулась к мужу:

– Я тотчас вернусь, и тогда ты получишь свой подарок.

Николас кивнул и тихо сказал:

– Иди, Джорджия. Я хочу перекинуться словечком с Бинкли. – С этими словами он направился в кухню.

Спустя четверть часа Джорджия нашла мужа у дверей парадного холла. Он ждал ее, разглядывая штукатулку вокруг фронтальных окон. Прежде она не видела Николаса таким инертным; он был человеком постоянного действия – даже в те минуты, когда вроде бы сидел спокойно. Неудивительно, что он так мало спал. Ночь за ночью она слышала, как он ходил по комнате и ложился спать уже перед самым рассветом. Однажды ночью она тихонько спустилась вниз, чтобы налить себе стакан молока, и увидела Николаса в столовой; сидя за столом перед кипой каких-то бумаг, он с головой погрузился в работу. Не желая мешать мужу, Джорджия тихонько проскользнула по шатким ступенькам в свою комнату. Но она не могла не испытывать любопытства. Что мог делать Николас со всеми этими бумагами глубокой ночью? И ведь настолько погрузился в работу, что не замечал ничего вокруг... Джорджия очень сомневалась, что эти его бумаги имели какое-то отношение к ремонту дома.

– Вот и я, Николас, – сказала она с улыбкой.

Он посмотрел на нее через плечо и, тоже улыбнувшись, спросил:

– Где же подарок, который ты обещала мне так загадочно?

– Для этого нужно зайти в конюшню. А подарок... Ничего особенного. Ведь ты знаешь, что у меня нет денег. Но надеюсь, он все равно тебе понравится.

– Джорджия, ты прекрасно знаешь, что деньги – не самое главное в жизни. Я тронут, что ты вообще об этом подумала. Правда, тронут.

– Не глупи, – сказала она, поворачивая к поляне, где в окружении дубов стояли конюшни. – Как я тебе уже говорила, ты мне дал очень много...

Джорджия услышала повизгивание раньше мужа, так как ожидала его услышать.

– Заходи, – сказала она, с улыбкой открывая дверь.

В тот же миг какое-то крохотное существо бросилось к ним столь стремительно, что невозможно было толком его рассмотреть. Николас машинально отступил на шаг. Потом с удивлением присел, и мохнатый комочек ткнулся носом в его сапог. Веселый щенок – довольно странная помесь терьера и гончей – тут же завилял хвостом и принялся лизать руки Николаса своим розовым горячим язычком. Николас рассмеялся и поднял пушистый комочек над головой.

– И кто же ты? – спросил он, оглядывая пухленький животик собачонки. – Ага, молодой человек... И, судя по всему, очень молодой человек. – Он осторожно опустил щенка на землю, и тот снова набросился на его сапоги. – Спасибо, Джорджия. – Николас улыбнулся жене. – Замечательный подарок!

– Я рада, что щенок тебе понравился. Он с одной из местных ферм. Лили рассказала мне о помете. Он был самым беспокойным и драчливым из всех, но мне показалось, что у него очень умные глазки.

– Да, верно. Похоже, он довольно смысленый. А теперь надо дать ему имя, правда, дружок? Давай прикинем... Как тебе имя Рэли?¹

– Рэли? Отличное имя. Но почему именно Рэли?

– Был некогда такой человек, тоже очень драчливый и беспокойный. Ну, давай, Рэли, присоединяйся к нам и начинай исследовать свое новое жилище.

Щенок тут же пристроился у ног Николаса и, отчаянно виляя хвостиком, отправился на прогулку вместе со своими новыми хозяевами.

В приступе ярости Жаклин швырнула свой черепаховый гребень через всю комнату. Увидеть сегодня Николаса вместе с его шлюхой – такого она просто не могла вынести! Сидя в церкви, Жаклин постоянно ощущала его присутствие за своей спиной; иногда ей даже казалось, что она чувствовала жар его тела. И она ни слова не слышала во время службы, так как была поглощена теми чувственными образами, которые Николас вызывал в ее воображении.

За годы его отсутствия она забыла, насколько он привлекателен и какую энергию излучала каждая клеточка его тела. Но теперь, увидев Николаса в церкви, – а жил он всего лишь в миле от нее, – она снова и снова вспоминала об этом бездельнике и бродяге, словно и не было десяти прошедших лет. Однако следовало признать, что с годами Николас стал еще более привлекательным – сейчас он был в самом расцвете. Жаклин ненавидела его, и ненависть лишь подпитывала ее страсть. О, она помнила все, абсолютно все. И не было мужчины, чья нагота так воспламеняла бы ее, – а ведь после той ночи она узнала многих других мужчин. Она считала, что избавилась от него раз и навсегда – разрушила его драгоценный дом и позаботилась о том, чтобы этот ублюдок никогда не вернулся. Но он вернулся. Он вернулся... и ее кровь закипела.

– Будь он проклят! Да будут прокляты они оба! – в ярости воскликнула Жаклин.

Она закрыла глаза и так сильно прикусила губу, что почувствовала во рту вкус крови. Мысль о том, что Джорджия сейчас лежала в объятиях Николаса и получала удовольствие от его ласк, делала Жаклин больной. «Почему он выбрал именно ее, почему ее?..» – спрашивала она себя раз за разом.

И вообще, как такое могло случиться? Должно быть, она нашла способ соблазнить его, эта ловкая шлюшка. Но как же ей удалось?.. Просто невероятно... Ведь нищая портняжка почти не выходила из Рэйвенсволка. Но невероятное все-таки произошло, и ей, Жаклин, придется с этим смириться. Хотя, с другой стороны, какое ей до всего этого дело?

Жаклин внимательно посмотрела на свое отражение в зеркале. В конце концов, она – графиня Рэйвенская, женщина, обладающая немалой властью. Поместье Рэйвенсволк считалось одним из лучших в Британии, а ее, графини, состояние – одним из самых крупных. К тому же, ей удалось утереть нос своим сестрам. Да, она утерла нос всем, и сейчас у нее было все, чего она хотела. Все, кроме Николаса...

При одной только мысли о нем она опять почувствовала пульсацию в низу живота, а руки сами собой поднялись к грудям. Прикрыв глаза, Жаклин представила, что это – руки Николаса, которые, увы, уже очень давно не касались ее груди...

Спустя минуту она резко опустила руки. Не было смысла мучить себя воспоминаниями. Что же касается Николаса... Его жизнь в скором времени изменится к худшему. И если Джорджия подумала, что теперь приобрела положение в обществе, то она очень сильно

¹ Сэр Уолтер Рэли – поэт, авантюрист, путешественник; один из основателей колоний в Северной Америке.

ошиблась. Модисточка вышла замуж за человека, которого приличное общество никогда больше не примет – она, Жаклин, об этом уже позаботилась.

Пусть они страдают в своих руинах. Жители деревни будут избегать их, дворянство – презирать, и их жизнь превратится в сплошное унижение.

Что же до нее, то она, Жаклин, примет приглашение маркиза ди Кастаньяро и проведет зиму у него на вилле. Да-да, именно так она и поступит. В начале нового года непременно покинет Рэйвенсволк. Не оставаться же там, где можно в любой момент столкнуться с Николасом и его девкой...

А сегодня вечером... Что ж, если она не могла заполучить Николаса, то утолит свой голод с тем, кто мог его заменить.

Жаклин слегка подушила ложбинку между грудей,правила платье и направилась в восточное крыло дома.

Глава 6

Джорджия немедленно взялась за шитье. Она устроила портновский стол в задней части гостиной, где с величайшим удовольствием сначала чертила выкройку, потом кроила и наметывала. Прошла неделя, за ней – еще одна, и вскоре у нее уже был новый плащ, а у Николаса – две теплые рубашки. После этого Джорджия взялась за платье, но шила только по вечерам, а днем они с Лили все время что-нибудь чистили и скребли, а также вытирали пыль. Или же в погожие дни – работали вне дома. С наступлением сумерек она садилась за свое шитье, а Николас читал у камина или писал письма.

«Как же эта жизнь отличается от моей жизни с Багги...» – подумала Джорджия, откусывая нитку. Багги никогда не бывал дома по вечерам и предпочитал проводить время в пабе, – по крайней мере, так она считала. А теперь по вечерам она наслаждалась приятным обществом мужа. Багги ни о чем не разговаривал с ней – за исключением фермерских дел, а Николас беседовал с ней на самые разные темы, и если ему что-либо было нужно, то он вежливо просил об этом, никогда не обращался с ней как со служанкой.

Рэли громко всхрапнул во сне и завозился на своей подстилке. Джорджия погладила его бочок носком туфли, и щенок сладко зевнул и успокоился. Она оторвала взгляд от шитья и взглянула на Николаса. Тот протирал книги из библиотеки, и его рука медленно скользила по кожаным переплетам; сейчас он, казалось, пребывал в хорошем настроении, и на его лице больше не было страдальческого выражения. Эта перемена происходила постепенно; когда они прибыли в Клоуз, Николас напоминал туго натянутую струну, но теперь, по прошествии пяти недель, казалось, что они всегда жили так – в уютной тихой гармонии.

Но был ли он счастлив? Джорджия не могла ответить на этот вопрос – слишком уж закрытым человеком был ее муж – держал свою душу на замке и никого не впускал туда. Только раз-другой она увидела у него проявление сильных эмоций, – однажды это произошло в тот момент, когда он считал, что пребывает в одиночестве, а в другой раз вспышка гнева охватила его в тот момент, когда он увидел, в каком состоянии находился сад. Но по большей части Николас скрывал свои чувства, давая лишь слабый намек на то, каковы они в действительности. Она старалась разгадать своего мужа, но ей это не очень-то удавалось. Например, однажды, когда она стала снимать с него мерки для рубашек, он вел себя очень странно – краснел и уклонялся, словно не хотел, чтобы до него дотрагивались. А затем стремительно вышел из комнаты. Когда же она отдавала ему готовые рубашки, он радостно улыбался; и казалось, что он очень рад этим рубашкам.

Николас оставался для нее загадкой, но он очень ей нравился, потому что был добрым и великодушным. Кроме того, Джорджия была уверена, что муж никогда не обидит ее. И все же – загадка... С Багги она всегда точно знала, какой будет его реакция на что-либо. А с Николасом об этом можно было только гадать.

– Джорджия, о чем ты сейчас мечтаешь? – спросил он.

Она вздрогнула от неожиданности.

– Ни о чем. Просто задумалась.

– И о чем же ты думала?

– О нас с тобой и о жизни здесь.

– О... может, мне стоит поостеречься?

– Не шути так. Мне нравится наша жизнь, Николас.

– В самом деле? – спросил он с улыбкой. – Рад это слышать. Но по сравнению с твоей жизнью в Рэйвенсволке что угодно покажется раем – даже нынешнее существование.

– Нынешнее существование? Но оно просто чудо! Я вижу, как каждый день мы приносим какие-то изменения. С каждым днем дом все больше оживает. Разве ты этого не замечаешь?

– Ты довольно своеобразная женщина, и я не совсем понимаю, что ты имеешь в виду. Хотя... Да, я действительно испытываю чувство огромного удовлетворения к концу каждого дня. Нам на голову больше не падает снег и не льет дождь, что весьма приятно.

– И уже скоро потеплеет. Тогда я смогу всерьез заняться садом, – заметила Джорджия. Николас покачал головой.

– Ох, не знаю, что у тебя получится, дорогая. Сад ведь погиб... Может, лучше будет все это перепахать, чтобы разбить большой газон?

В голосе мужа прозвучала горечь, и от этого Джорджия испытала почти физическую боль. Ужасно несправедливо с ним поступили, и поэтому ей следовало сделать все возможное, чтобы восстановить сад – тем самым она хоть как-то отблагодарит Николаса.

– Я могу сделать так, что сад снова расцветет, – сказала Джорджия. – Моя мама многому меня научила. В нашей деревне у нее были самые большие урожаи и самые крупные цветы. Казалось, что ей достаточно посмотреть на грядку и появляются ростки. Она говорила, что умеет разговаривать с растениями.

– В самом деле? Как странно... Моя матушка говорила то же самое. Она говорила, что все живое имеет душу, а любое место обретает своего бога. Она непрестанно говорила о боге своего сада и оставляла среди деревьев маленькие подношения этому божеству. Конечно, все это отдавало язычеством, но тем не менее сад плодоносил каждый год. Впрочем, думаю, что Господь давным-давно оставил нас...

– Посмотрим, Николас. Для начала нужно дать почве воздух и свет, а потом мы решим, как вернуть сад к жизни. Пока же я подготовлю рассаду, которую высажу, как только станет достаточно тепло. Поверь, мы вдохнем жизнь в этот сад.

Николас отложил книгу, которую держал в руках, и подошел к жене, пристально вглядываясь в ее лицо. Осторожно обмотав завиток ее волос вокруг пальца, он замер на мгновение. Потом так же осторожно опустил руку и чуть отстранился. Джорджия замерла, ошеломленная странным поведением мужа. Впервые Николас прикоснулся к ней... таким образом, и она не знала, что об этом думать. Почувствовав, что ей вдруг захотелось плакать, Джорджия поспешно опустила глаза.

– Ты меня просто поражаешь, дорогая, – проговорил Николас, отходя к камину. – Ты работаешь целыми днями в столь ужасных обстоятельствах – и ни одной жалобы. А сейчас ты собираешься взять на себя еще больше.

– Я уже говорила тебе, что радуюсь, когда вижу, что этот дом возвращается к жизни. Поверь, я действительно полюбила его.

– Да, верно. Ты, помнится, сказала, что он – как сирота. И еще ты сказала, что и сама сирота. Может, расскажешь мне об этом? Ведь я почти ничего не знаю о твоей прежней жизни.

– В общем-то, рассказывать особенно нечего, – проговорила Джорджия, отрезая очередную нитку и мысленно возвращаясь в прошлое. – Мы были бедны, но все же отец с матерью были счастливы, потому что папа был очень добрым и мягким человеком. Когда-то мой отец служил в армии, но у него возникли проблемы с легкими, и ему пришлось выйти в отставку. После отставки он был школьным учителем, но из-за болезни оставил и эту работу. После его смерти мама жила одна, зарабатывая на жизнь шитьем и уходом за больными, но свои любимые растения она не забывала. Потом мама умерла от лихорадки. Мне тогда было всего двенадцать.

– И куда же тебя определили?

– Поскольку я осталась сиротой, меня решили поселить у викария и его жены, – пробормотала Джорджия, и ее лицо омрачилось от этих воспоминаний.

– Понятно, – кивнул Николас. – Не думаю, что ты была счастлива в семье викария.

– Конечно, не была. Хотя они были добры ко мне. Но ведь это был не мой дом... – Джорджия с силой вонзила иголку в ткань – и укололась. – Ой!.. – Она поспешно поднесла уколотый палец к губам.

– Может, дело не только в том, что это был не твой дом? – спросил Николас, пристально глядя в ее лицо.

Джорджия подняла глаза и увидела, что муж улыбается.

Отвечая ему улыбкой, она сказала:

– Что ж, если хочешь знать правду... Они не любили меня, а я не любила их.

– И ты оставалась у них до своего замужества?

– Я прожила у них пять лет, – продолжала Джорджия. – Когда же ушла от них, они, безусловно, испытали облегчение.

Она вновь вспомнила тот день, когда миссис Провост пришла к ней в мансарду, обвиняя в том, чего она даже не понимала, и сообщила о ее предстоящем через три недели венчании с мужчиной, которого она совершенно не знала. Три долгих недели она была заперта в своей комнате – сидела на хлебе и воде, которые ей приносили раз в день, и думала о неведомом ей будущем. Зато впервые за пять лет ей не приходилось готовить, мыть полы, стирать белье, вытирать пыль, полировать мебель и менять свечи. Но самое главное – она чувствовала себя в безопасности. В последнее время викарий, поддавшись мужским инстинктам, все время лапал ее, порываясь прильнуть своим слюнявым ртом к ее губам. Слава богу, что ключ от ее комнаты хранился у миссис Провост, которая не выпускала его из рук.

– А потом?

– Потом я вышла замуж за Багги Уэллса, которого впервые увидела, когда меня привели в церковь.

– И ты была счастлива с ним? – допытывался Николас.

Джорджия удивилась внезапно изменившемуся выражению его лица, но тотчас поняла, что он расстроился из-за ее рассказа. Ох, наверное, зря она стала жаловаться. Но и врать ей тоже не хотелось.

– Что же ты молчишь, Джорджия? – спросил Николас, нарушая воцарившееся молчание.

Она постаралась улыбнуться.

– Ну... Ферма мужа не представляла собой ничего особенного. Но все-таки это был дом. Было очень приятно вновь иметь собственный дом.

– Да, разумеется. – Николас немного помолчал, потом, тщательно подбирая слова, проговорил: – И еще был сам Багги, верно?

– Да, – со вздохом кивнула Джорджия. – И еще был Багги. Это продолжалось три года. А потом все закончилось.

Николас нахмурился, однако промолчал. Потом, повернувшись к ней спиной, взял кочергу и начал перемешивать угли в камине.

– Я не хочу, чтобы ты меня жалел, – пробормотала Джорджия. – То время ушло навсегда. И никогда не будет так, как было, – я в этом уверена. Думаю, ты меня правильно понял.

Муж бросил взгляд через плечо, потом вновь повернулся к огню.

– Как ты жила после смерти Багги?

Джорджия с облегчением вздохнула, радуясь, что Николас сменил тему.

– Было трудно. Из-за долгов я потеряла ферму, и мне пришлось уехать в Лондон, где я год проработала в магазине, подшивая и подгоняя платья. Там меня заметила леди Хертон,

которая предложила мне шить для нее. Год спустя она рекомендовала меня в Рэйвенсволк. И я очень, очень благодарна тебе за то, что ты забрал меня оттуда.

Николас резко обернулся.

– Проклятье, Джорджия! Сколько раз надо повторять, что я не нуждаюсь в твоей благодарности! Мы с тобой до окончания наших дней можем говорить, что очень благодарны друг другу, – мол, один выручил другого в затруднительной ситуации. Но это не то, чего я хочу. Благодарность – ничто. Для меня она ничего не значит. Я вполне уверен, что и Багги не особо нуждался в твоей благодарности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.